

СЕТЕВОЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Modern Scientific Research and Results

№ 1 / 2026

<https://modern-sr.ru/>

Главный редактор журнала:

Куровская Наталья Анатольевна, генеральный директор ООО «Академия Науки и Образования», Донецк, Российская Федерация

Члены редакционной коллегии:

Псаррас Харис, кандидат юридических наук, Школа права Саутгемптонского университета, Саутгемптон, Великобритания

Амангельдыкызы Айжан Амангельды, доктор юридических наук, ассоциированный профессор, Университет Кунаева, Алматы, Казахстан

Аткинсон Джо, кандидат юридических наук

Балашенко Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор кафедры экологического и аграрного права, Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

Учредитель:

ООО «АКАДЕМИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ»

Адрес учредителя: 283086, Донецкая народная республика, г. о. Донецк, г. Донецк, ул.

Артема, д. 41, ком. 306в.

ИНН: 9303040432

КПП: 930301001

ОГРН: 1259300002103

Телефон: +7(909)679-60-04

Сайт: <https://modern-sr.ru/>

Регистрационный номер СМИ: Эл № ФС77-92149

Издатель: Куровская Наталья Анатольевна, Генеральный директор ООО «АНО».

Адрес издателя: г. Москва

© Modern Scientific Research and Results, 2026 г.

Периодичность 4 раза в год.

В ЖУРНАЛЕ ПУБЛИКУЮТСЯ СТАТЬИ ПО СЛЕДУЮЩИМ НАУЧНЫМ СПЕЦИАЛЬНОСТЯМ:

Юриспрудения и право

ПОРЯДОК РАССМОТРЕНИЯ СТАТЕЙ

Все представленные рукописи первоначально проверяются редакцией на соответствие тематике журнала и проводят проверку на оригинальность (с использованием соответствующих программно-аппаратных комплексов). Прошедшие этот этап статьи передаются на анонимное рецензирование членам редакционной коллегии или привлеченным внешним экспертам. При условии получения положительных рецензий без замечаний по существу исследования статья принимается к публикации, включается в редакционный портфель и размещается в очередном номере журнала.

Научный журнал «Modern Scientific Research and Results» занимается публикацией научно-практических исследований в соответствии с номенклатурой научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени.

Наш журнал стремится сделать процесс публикации максимально удобным для авторов, поэтому допускает различные варианты оформления библиографических ссылок и списка литературы.

Список источников оформляется по ГОСТ 7.0.5-2008 и приводится в конце статьи под заголовком «Список источников». При этом допускаются следующие форматы библиографических ссылок:

- Внутритекстовые ссылки (по стандарту APA)
- Подстрочные ссылки (по ГОСТ 7.0.5-2008)
- Затекстовые ссылки (по ГОСТ 7.0.5-2008)

Мы предоставляем авторам гибкость в оформлении, чтобы минимизировать бюрократические барьеры и сосредоточиться на содержании научного исследования. Главное — единообразие внутри самой статьи.

ПЛАТА ЗА ПУБЛИКАЦИЮ

Редакция не взимает с авторов плату за подготовку, размещение или печать материалов.

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на «Modern Scientific Research and Results» обязательна.

Полная или частичная перепечатка материалов допускается только по письменному разрешению авторов статей или редакции.

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикаций.

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under Creative Commons Attribution 4.0 License.

Chief Editor:

Kurovskaya Natalia Anatolyevna, General Director of “Academy of Science and Education” LLC, Donetsk, Russian Federation

Editorial Board:

Psarras Haris, PhD in Law, School of Law, University of Southampton, Southampton, UK

Amangeldykyzy Aizhan Amangeldy, Doctor of Laws, Associate Professor, D. Kunaev University, Almaty, Kazakhstan

Atkinson Joe, PhD in Law

Balashenko Sergey Aleksandrovich, Doctor of Laws, Professor, Department of Environmental and Agrarian Law, Belarusian State University, Minsk, Belarus

Founder:

LLC "ACADEMY OF SCIENCE AND EDUCATION"

Founder's address: 41 Artem str., room 306b, Donetsk city, Donetsk People's Republic, 283086.

INN: 9303040432

KPP: 930301001

OGRN: 1259300002103

Phone: +7 (909)679-60-04

Website: <https://modern-sr.ru/>

Media registration number: El No. FS77-92149

Publisher: Kurovskaya Natalia Anatolyevna, CEO of ANO LLC.

Publisher's address: Moscow

© Modern Scientific Research and Results, 2026 г.

The frequency is 4 times a year.

THE JOURNAL PUBLISHES ARTICLES ON THE FOLLOWING SCIENTIFIC SPECIALTIES:

Jurisprudence and law

PROCEDURE FOR REVIEWING ARTICLES

All submitted manuscripts are initially checked by the editorial staff for compliance with the journal's subject matter and checked for originality (using appropriate software and hardware systems). Articles that have passed this stage are submitted for anonymous review to members of the editorial board or external experts involved. Subject to receiving positive reviews without comments

on the research substance, the article is accepted for publication, included in the editorial portfolio and placed in the next issue of the journal.

The scientific journal "Modern Scientific Research and Results" publishes scientific and practical research in accordance with the nomenclature of scientific specialties for which academic degrees are awarded.

Our journal strives to make the publication process as convenient as possible for authors, so it allows for various design options for bibliographic references and references.

The list of sources is drawn up in accordance with GOST 7.0.5-2008 and is given at the end of the article under the heading "List of sources". The following formats of bibliographic references are allowed:

- Intra-text links (according to the APA standard)
- Footnotes (according to GOST 7.0.5-2008)
- Non-text links (according to GOST 7.0.5-2008)

We provide authors with flexibility in design to minimize red tape and focus on the content of their research. The main thing is uniformity within the article itself.

PUBLICATION FEE

The editorial board does not charge authors a fee for the preparation, placement or printing of materials.

When using published journal materials, a link to "Modern Scientific Research and Results" is required.

Full or partial reprint of materials is allowed only with the written permission of the authors of the articles or the editorial board.

The editors' point of view does not always coincide with the authors' point of view.

总编辑的杂志：

Куровская 纳塔利娅 Kurovskaya, 总干事, 中国科学院科学和教育、顿涅茨克、俄罗斯联邦

成员的编辑委员会：

Psarras 哈里, 博士, 南安普敦大学法学院、南安普敦, 联合王国

Amangeldyzy Aizhan Amangeldy, 法学博士, 副教授, Kunayev 大学、哈萨克斯坦阿拉木图

乔 Atkinson, 在法律博士学位

Балашенко 谢尔盖 A. Balashenko, 医生的法律教授, 该部的环境和土地法, 白俄罗斯国立大学、明斯克, 白俄罗斯

创始人：

有限责任公司"科学院科学与教育"

创始人的地址: 41 阿尔乔姆 str., 房间 306b, 顿涅茨克城市, 顿涅茨克人民共和国、283086.

锡: 9303040432

检查站: 930301001

OGRN: 1259300002103

电话: +7(909)679-60-04

网站: <https://modern-sr.ru/>

媒体登记号码: 电邮号码 FS77-92149

出版者: Куровская 纳塔利娅 Kurovskaya, 总干事的 ANO 有限责任公司。

出版商的地址: 莫斯科

©现代科学研究和结果, 2026 г.

频率为每年 4 次.

该杂志发表文章的下列科学专业:

判例 和法律

审查程序的文章

所有提交的稿件初步检查由编辑人员遵守该杂志的主题和检查的独创性(使用适当的软件和硬件系统)。文章,已经通过了这一阶段提交的匿名审查的成员在编辑委员会成员或外部专家参与。受到接收积极的评价没有评论在物质的研究,该文接受出版,包括在编辑的投资组合和安置在接下来的问题的期刊。

科学杂志"现代科学研究和 结果"发表的科学和实用研究,在按照命名的科学专业,为其学位的奖励。

我们的杂志致力于使该出版物过程中尽可能方便用于作者,因此,它允许对设计各种选项,参考书目和参考资料。

所列出的来源是根据 GOST7.0.5-2008 年鉴于在该条结尾处在标题"列表中的资源"。以下格式的参考书目的是允许的:

- Внутритекстовые 内部文本链接(根据 APA 标准)
- 脚注(根据 GOST7.0.5-2008 年)
- 不-文本链接(根据 GOST7.0.5-2008 年)

我们提供者与灵活性设计,以尽量减少繁文缛节并侧重于内容的研究。最主要的是均匀内的文章本身。

出版物的费用

编辑委员会成员不收取作者收费为筹备、安置或印刷材料。

当使用出版杂志的材料的链接"现代科学研究和 结果"是必需的。

全部或部分转载的资料只允许用书面批准的文章的作者或编辑委员会。

编辑的观点来看并不总是符合提交人的观点。

内容 是提供 下 лицензией 的知识共享归属 4.0 许可证。内容可在知识共享归属 4.0 许可证。

ОГЛАВЛЕНИЕ

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ «ПРАВОНАРУШЕНИЕ» И «ПРЕСТУПЛЕНИЕ» В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ.....	8
СОЦИАЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ ГОСУДАРСТВА: ПОНЯТИЕ, СОДЕРЖАНИЕ, ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ.....	22
МЕСТО РЕЛИГИОЗНЫХ НОРМ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНЫХ РЕГУЛЯТОРОВ СОВРЕМЕННОГО СВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ	33
ВОПРОСЫ ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОГО ОБОСНОВАНИЯ ПРИМЕНЕНИЯ ШАРИАТА В РЕАЛИЯХ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ СВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА.....	43
РОЛЬ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ПРОБЕЛОВ В МЕХАНИЗМЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ	56

Научная статья

УДК 343.232

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ «ПРАВОНАРУШЕНИЕ» И «ПРЕСТУПЛЕНИЕ» В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ

**Харевич Дмитрий Людвинович, к.ю.н., доцент; доцент кафедры
оперативно-розыскной деятельности факультета криминальной милиции,
Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь, Минск,
Беларусь, d.harvich.by@yandex.ru**

Аннотация

Целью настоящей статьи является анализ соотношения понятий «правонарушение» и «преступление» в рамках отечественной юридической науки и выработка рекомендаций по разрешению спорных вопросов касательно соотношения указанных понятий. Автор рассматривает определения понятий «преступление» и «административное правонарушение» в контексте таких признаков, как общественная опасность, противоправность, виновность, наказуемость. Изучает феномен общественной опасности как ключевой отличительный признак преступления. Применительно к вопросу общественной опасности в статье отмечается комплексный характер данного признака и составляющие его элементы. Ставится под сомнение позиции тех исследователей, которые усматривают общественную опасность также у административных правонарушений. Обосновывает нецелесообразность отказа от использования признака общественной опасности и иных признаков в нормах УК РФ применительно к определению понятия преступления. Делает вывод о правонарушении как наиболее широком понятии, включающем в том числе и преступления, и административные правонарушения. Указывается на субъективизм и условность критерия общественной опасности ввиду возможности его применения только в контексте конкретных временных рамок и с учётом действующего на данный момент законодательства и уровня правового развития.

Ключевые слова: административная ответственность, административное наказание, вред, КоАП РФ, общественная опасность, правонарушение, преступление, признаки преступления, уголовная ответственность, уголовное наказание, УК РФ

Original article

THE RELATIONSHIP BETWEEN THE CONCEPTS OF "OFFENSE" AND "CRIME" IN RUSSIAN LEGAL SCIENCE

Dmitry Kharevich, Candidate of Law, Associate Professor; Associate Professor of the Department of Operational Investigative Activity of the Faculty of Criminal Police, Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus

Abstract

The purpose of this article is to analyze the relationship between the concepts of "offense" and "crime" in the framework of domestic legal science and to develop recommendations for resolving controversial issues regarding the relationship of these concepts. The author examines the definitions of the concepts of "crime" and "administrative offense" in the context of such signs as public danger, illegality, guilt, and punishability. He studies the phenomenon of public danger as a key distinguishing feature of crime. With regard to the issue of public danger, the article notes the complex nature of this feature and its constituent elements. The positions of those researchers who see public danger in administrative offenses are questioned. Justifies the inexpediency of refusing to use the sign of public danger and other signs in the norms of the Criminal Code of the Russian Federation in relation to the definition of crime. He concludes that the offense is the broadest concept, including both crimes and administrative offenses. The subjectivity and conditionality of the criterion of public danger is pointed out due to the possibility of its application only in the context of a specific time frame and taking into account the current legislation and the level of legal development.

Keywords: administrative responsibility, administrative punishment, harm, Administrative Code of the Russian Federation, public danger, offense, crime, signs of crime, criminal liability, criminal punishment, Criminal Code of the Russian Federation

Введение

«Преступление» и «правонарушение» справедливо находятся в числе фундаментальных правовых категорий, что определяет соответствующий научный интерес к их осмыслению и с позиций теории, и с позиций практики правотворчества и правоприменения. Вопросы понимания данных категорий, несмотря на наличие множества научных исследований, остаются дискуссионными, что актуализирует выбранную тему в целом и отдельные ее аспекты, в частности, аспекты признаков преступления и правонарушения, в особенности такого признака, как общественная опасность.

Целью настоящей статьи является анализ соотношения понятий «правонарушение» и «преступление» в рамках отечественной юридической науки и выработка рекомендаций по разрешению спорных вопросов касательно соотношения указанных понятий.

Основная часть

В отечественной юридической науке пока не сформировалось единого варианта доктринального толкования понятий «преступление» и «правонарушение» [6, с. 56]. В этом нет никаких сомнений. Что же касается законодательства, а именно Уголовного кодекса РФ [1] (УК РФ) и Кодекса РФ об административных правонарушениях [2] (КоАП РФ), то там имеются определения указанных понятий, однако, и они не могут не вызывать дискуссий. Этому есть множество причин, в том числе и отсутствие чёткого, однозначного разграничения преступлений и административных правонарушений [12, с. 259].

Рассматриваемая проблема по своей сути является более глубокой, если ее анализировать в первую очередь не в контексте действующего законодательства,

а именно в контексте юридической науки. В этой связи необходимо подчеркнуть многозначность термина «правонарушение» и возможность его применения и к нарушениям, например, относящимся к гражданско-правовой сфере отношений. При этом имеет место синонимизация многих терминов [6, с. 56]. Суть любого из отождествляемых с правонарушением понятий составляет нарушение определённых правовых норм. И уже на основе этого можно сделать вывод о том, что любое нарушение правовых норм может быть названо правонарушением. Но поскольку природа, характер, последствия различных нарушений существенно различаются, то в законодательстве и правовой науке для их обозначения применяются различные термины. А понятие «правонарушение» в данном контексте носит обобщающий характер.

Основной научный и практический интерес в данном случае сосредоточен вокруг феномена преступления, раскрываемого по комплексу признаков:

- 1) признание деянием – действием либо бездействием;
- 2) оценка как общественно опасного явления;
- 3) признание виновности как признака деяния;
- 4) признание противоправного (уголовно противоправного) характера;
- 5) уголовная наказуемость [11, с. 418].

Выделенные признаки в полной мере отвечают той модели преступления, которая представлена в ч. 1 ст. 14 УК РФ. И каждый из перечисленных признаков важен и заслуживает отдельного рассмотрения. Так, деяние, как признак преступления, состоит в наличии конкретных действий либо в отсутствии действий (бездействий), когда имеется обязанность (необходимость) действовать. В этом смысле не составляют деяния какие-либо мысли, идеи, не нашедшие реализации (мыслепреступления). Однако деяние может быть исключено из перечня признаков преступления и рассмотрено в качестве самостоятельного феномена, который характеризуется другими признаками, перечисленными в данном случае (общественная опасность, виновность,

противоправность, наказуемость). Но в любом случае оно занимает центральное место.

В контексте изложенного особое внимание необходимо обратить на признак общественной опасности, выступающий, как правило, ключевой основы отграничение преступлений от иных правонарушений. А. М. Смирнов в этой связи указывает дискуссионность вопроса о понятии общественной опасности. В то же время, описывает общественную опасность как признак, указывающий на существенную вредоносность того или иного акта поведения для общества и государства, в силу чего преступление отграничивается от иных правонарушений [11, с. 419].

Н. А. Лопашенко, А. В. Голикова, Е. В. Кобзева, также другие авторы, рассматривающие преступление как деяние, обладающее признаком общественной опасности [9, с. 129], выделяют ее следующие критерии (признаки):

- 1) влияние на значимые общественные отношения, находящиеся под уголовно-правовой охраной;
- 2) наличие вредоносного потенциала (вероятность причинения существенного вреда);
- 3) общественно опасные последствия;
- 4) виновное отношение субъекта к деянию [9, с. 135].

Вопрос понимания каждого из представленных признаков – предмет отдельных дискуссий. Так, упомянутые исследователи отрицают уместность применения количественных показателей для оценки деяния с точки зрения общественной опасности [9, с. 135]. С точки же зрения авторов УК РФ количественные критерии вполне применимы. И это представляется вполне обоснованным. Например, общественная опасность кражи не может не оцениваться исходя из размера похищенного; что же касается повторности, то и она законодателем активно используется, в частности, в рамках института административной преюдиции и рецидива.

Нельзя не отметить наличие мнений о том, что признак общественной опасности присущ не только уголовно наказуемым деяниям, но и административным правонарушениям [5]. Различия между ними, с точки зрения сторонников такого подхода, состоят лишь в степени проявления опасности [11, с. 419]. Причем некоторые авторы ссылаются, в том числе, на ч. 2 ст. 2 УК РФ, где говорится о том, что именно УК РФ определяет, какие опасные для личности, общества или государства деяния признаются преступлениями. Из этого соответствующие авторы делают вывод о существовании и иных деяний, опасных для личности, общества и государства, но не признаваемых преступлениями, в числе которых называют и административные правонарушения [7, с. 65; 12, с. 258]. Думается, что данная позиция имеет под собой определённые основания, хотя и весьма спорные.

Сторонники указанного подхода, вместе с тем, отмечают комплексный характер признака общественной опасности, который включает в себя различные элементы, отражающие характеристику деяния и оцениваемые только в взаимосвязи. При этом они признают необходимость разделения преступлений и административных правонарушений по степени общественной опасности деяний [12, с. 259].

Здесь следует подчеркнуть, что российский законодатель исключает из числа преступлений те деяния, которые формально содержат признаки какого-либо преступления, но ввиду малозначительности не представляют общественной опасности (ч. 2 ст. 14 УК РФ). Данное положение даёт право для вывода об отсутствии общественной опасности у деяний, не подпадающих под составы, предусмотренные нормами УК РФ.

В теории уголовного права немаловажное место занимает проблематика уголовного проступка как в целом, так и в вопросе выделения уголовных проступков из числа преступлений. Выделение такой категории деяний базируется на том, что отдельные малозначимые деяния не представляют

общественной опасности, в связи с чем не должны влечь наказания, связанного с лишением свободы [6, с. 56; 10, с. 528].

Кроме того, если за основу аргументации брать не только теоретические положения, а руководствоваться и формальными соображениями, базирующимися на конкретных нормах УК РФ и УПК РФ, то отличиями уголовных проступков могут быть невозможность реализации в отношении юридических лиц ответственности их совершение; возможность реализации ответственности лишь в уголовно-процессуальном порядке, а не административном, что предполагает рассмотрение соответствующего дела исключительно судом, а не органами, имеющими административные полномочия.

С учётом того, что УК РФ не предусматривает уголовных проступков, все размышления носят исключительно научно-теоретический характер. В то же время, если опираться именно на УК РФ, в содержание которого потенциально могут быть включены нормы об уголовных проступках, то изложенные размышления о специфике уголовных проступков становятся вполне обоснованными.

Нельзя не рассмотреть и нормы КоАП РФ, раскрывающие содержание административного правонарушения. Так, ч. 1 ст. 2.1 в контексте понятия административного правонарушения отражает в целом те же признаки, которые присущи и преступлению, за исключением признака общественной опасности. Думается, с точки зрения законодателя, это ключевое отличие административного правонарушения от предусмотренного УК РФ преступления. Другим значимым отличием, отражённым в ч. 2 ст. 2.1 КоАП РФ, является формальная возможность совершения административного правонарушения не только физическим, но и юридическим лицом, в то время как преступление может быть совершено только физическим лицом.

Таким образом, можно было бы полагать, что вопрос о соотношении преступления и административного правонарушения следует закрыть. Однако

есть повод считать рассматриваемый вопрос открытым. Он связан с позицией Конституционного Суда РФ, представленной им в Постановлении от 14 апреля 2020 г. № 17-П, в п. 3 которого в контексте характеристики административного правонарушения характеризуется упоминается признак общественной опасности. Конституционный Суд РФ, в частности, указывает на возможность по объективным элементам административного правонарушения судить и о субъективных. «В частности, по фактическим обстоятельствам, установленным на основе исследования и оценки доказательств и отражающим характер и степень опасности нарушения, его последствия, можно определить и характеристики вины нарушителя, в том числе юридического лица» [3].

Из представленной формулировки очевидно однозначное признание Конституционным Судом РФ признака общественной опасности именно у административных правонарушений. Такая позиция, с одной стороны, вполне понятна, учитывая фактический характер многих правонарушений, предусмотренных нормами КоАП РФ. С другой стороны, данная позиция в определённой степени противоречит позиции законодателя, представленной в УК РФ.

А. М. Герасимов целью (задачей) уголовного законодательства считает оценку преступных деяний, которые опасны для сложившегося в обществе материального порядка, а задачей административно-деликтного права – оценку деяний, которые негативно влияют именно на правопорядок как правовую форму общественных отношений, а не на их сущностные аспекты [4, с. 10]. Полагаем, что такая позиция не лишена оснований, однако разграничение преступлений и административных правонарушений исходя из такого подхода представляется крайне проблематичным.

Нельзя не согласиться с А. А. Пионтковским и другими советскими исследователями в том, что «соотношение между преступлением и проступком не является раз и навсегда данным, а меняется в зависимости от конкретных исторических условий развития... государства» [8, с. 41]. Это означает, что

вопрос соотношения преступления и правонарушения, в том числе административного правонарушения, в разные исторические периоды должен решаться по-разному, с учетом актуальных правовых реалий, в том числе и законодательства.

В этой связи учёт законодательства представляется уместным и даже обязательным в рамках теоретического исследования хотя бы потому, что любой закон, в том числе, предусматривающий уголовную, административную и иную ответственность, есть в определённой мере результат развития научно-теоретических представлений о том или ином феномене. В данном случае УК РФ и КоАП РФ есть своего рода результаты доктринального осмысления преступления и правонарушения.

В контексте изложенного интересна идея А. М. Смирнова о том, что с учетом наличия общественной опасности в случае совершения не только уголовно наказуемых, но и других правонарушений, определять преступление следует именно как деяние, запрещенное нормами УК РФ [11, с. 421], без указания на иные признаки.

С такой идеей, конечно же, нельзя согласиться, поскольку исключение из определения понятия «преступление» таких характеристик, как виновность, наказуемость, общественная опасность может отразиться на правоприменительной практике. Но если сейчас имеет место, по крайней мере, признак общественной опасности, то в случае отказа от такого признака как главного отличия преступления, потребуется искать иные отличия, что может оказаться ещё более проблематичным.

Тут невозможно не согласиться с А. М. Герасимовым, усматривающим в современных тенденциях развития уголовного и административно-деликтного права признаки размытия границ, в том числе ввиду возрождения института административной преюдиции [4, с. 10].

Заключение

Проанализировав теоретическую проблематику, касающуюся соотношения преступления и правонарушения, учитывая нормы действующего законодательства, можно сделать следующие выводы:

1) правонарушений есть наиболее широкая категория, включающая в себя практически любые нарушения правовых норм; и в этой связи преступление, а также административное правонарушение можно считать разновидностями правонарушений; причём преступление является наиболее серьёзным, наиболее значимым правонарушением;

2) ключевым отличием преступления следует считать признак общественной опасности, в том числе с учетом норм УК РФ; административные правонарушения признаком общественной опасности не обладают, что не означает их отсутствие у них признака вредоносности; в этом смысле любое правонарушение вредоносно (несёт определённый вред), но опасны только преступления;

3) признание общественно опасными не только преступлений, но и административных правонарушений представляется ошибочным, в том числе ввиду прямого указания в УК РФ на отсутствие общественной опасности у малозначимых деяний, формально имеющих признаки преступления;

4) критерий общественной опасности является в определённой мере субъективным и условным, и должен рассматриваться исключительно применительно к реалиям конкретного времени, в связи с чем однозначное определение общественной опасности дать не представляется возможным; однако не вызывает сомнений целесообразность определения общественной опасности исходя из качественных и количественных параметров причинённого вреда, а также с учетом самого предмета (объекта) посягательства, его общественной и государственной значимости с точки зрения национального права.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63 ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 5 июня 1996 г. (с изм. и доп. от 4 авг. 2023 г.) // Рос. газ. – 1996. – 18-20 июня.; Собр. Законодательства Рос. Федерации. – 2023. – № 32 (ч. I). – Ст. 6145.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 20 декабря 2001 г. : одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 26 декабря 2001 г. (с изм. и доп. от 4 авг. 2023 г.) // Рос. газ. – 2001. – 31 дек.; Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2023. – № 32 (ч. I). – Ст. 6158.
3. По делу о проверке конституционности части 2 статьи 2.1, части 1 статьи 2.2, части 3 статьи 11.15.1 и пункта 5 части 1 статьи 29.10 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, статьи 12.2 Федерального закона «О транспортной безопасности», подпунктов 36, 37, 39, 45 пункта 5 и подпунктов 1, 2, 8 пункта 7 требований по обеспечению транспортной безопасности, в том числе требований к антитеррористической защищенности объектов (территорий), учитывающих уровни безопасности для различных категорий объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств морского и речного транспорта, в связи с жалобой акционерного общества «Пассажирский Порт Санкт-Петербург «Морской фасад»: Постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 14 апр. 2020 г. № 17-П // Справочно-поисковая система «КонсультантПлюс».
4. Герасимов А. М. Методологические основания разграничения преступления и административного правонарушения // Научный вестник Омской академии МВД России. 2020. № 1(76). С. 5–11.
5. Клейменов М.П. Административное и уголовное правонарушение / М.П. Клейменов // Преступность, уголовная политика, закон / под ред. А.И. Долговой. – М., 2016. – С. 186–193.

6. Кобзарь-Фролова, М. Н. Соотношение правонарушения, проступка, преступления и деликта // Вестник Российской таможенной академии. 2010. № 1. С. 50–57.
7. Константинов П. Ю., Соловьева А. К., Стуканов А. П. Взаимосвязь административных правонарушений и преступлений: проблемы теории и практики // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2005. № 3(260). С. 58–74.
8. Курс советского уголовного права : Часть общая : В 6 т. Т. 2: Преступление / Ред. колл.: А. А. Пионтковский [и др.]. – М.: Наука, 1970. – 516 с.
9. Лопашенко Н. А., Голикова А. В., Кобзева Е. В. [и др.] Общественная опасность преступления: понятие и критерии верификации // Правоприменение. 2020. Т. 4, № 4. С. 124–140.
10. Побежимова, Н. И. Административное правонарушение и уголовный проступок // Сибирское юридическое обозрение. 2019. Т. 16, № 4. С. 525–529.
11. Смирнов А. М. О дефиниции понятия «преступление» в Уголовном кодексе Российской Федерации // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12, № 3. С. 417–423.
12. Шавырина А. С. Вопросы соотношения преступлений и смежных административных правонарушений // Пробелы в российском законодательстве. 2010. № 1. С. 256–260.

References

1. Ugolovny`j kodeks Rossijskoj Federacii ot 13 iyun. 1996 g. № 63 FZ : prinyat Gos. Dumoj Feder. Sobr. Ros. Federacii 24 maya 1996 g. : odobr. Sovetom Federacii Feder. Sobr. Ros. Federacii 5 iyun. 1996 g. (s izm. i dop. ot 4 avg. 2023 g.) // Ros. gaz. – 1996. – 18-20 iyun.; Sobr. Zakonodatel`stva Ros. Federacii. – 2023. – № 32 (ch. I). – St. 6145.
2. Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativny`x pravonarusheniyax ot 30 dekabrya 2001 g. № 195-FZ : prinyat Gos. Dumoj Feder. Sobr. Ros. Federacii 20

dekabrya 2001 g. : odobr. Sovetom Federacii Feder. Sobr. Ros. Federacii 26 dekabrya 2001 g. (s izm. i dop. ot 4 avg. 2023 g.) // Ros. gaz. – 2001. – 31 dek.; Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii. – 2023. – № 32 (ch. I). – St. 6158.

3. Po delu o proverke konstitucionnosti chasti 2 stat'i 2.1, chasti 1 stat'i 2.2, chasti 3 stat'i 11.15.1 i punkta 5 chasti 1 stat'i 29.10 Kodeksa Rossijskoj Federacii ob administrativny`x pravonarusheniyax, stat'i 12.2 Federal'nogo zakona «O transportnoj bezopasnosti», podpunktov 36, 37, 39, 45 punkta 5 i podpunktov 1, 2, 8 punkta 7 trebovanij po obespecheniyu transportnoj bezopasnosti, v tom chisle trebovanij k antiterroristicheskoj zashhishhennosti ob`ektov (territorij), uchity`vayushhix urovni bezopasnosti dlya razlichny`x kategorij ob`ektov transportnoj infrastruktury` i transportny`x sredstv morskogo i rechnogo transporta, v svyazi s zhaloboj akcionernogo obshhestva «Passazhirskij Port Sankt-Peterburg «Morskoj fasad»: Postanovlenie Konstitucionnogo Suda Ros. Federacii ot 14 apr. 2020 g. № 17-P // Spravochno-poiskovaya sistema «Konsul'tantPlyus».

4. Gerasimov A. M. Metodologicheskie osnovaniya razgranicheniya prestupleniya i administrativnogo pravonarusheniya // Nauchny`j vestnik Omskoj akademii MVD Rossii. 2020. № 1(76). S. 5–11.

5. Klejmenov M.P. Administrativnoe i ugovnoe pravonarushenie / M.P. Klejmenov // Prestupnost`, ugovnaya politika, zakon / pod red. A.I. Dolgovoij. – M., 2016. – S. 186–193.

6. Kobzar'-Frolova, M. N. Sootnoshenie pravonarusheniya, prostupka, prestupleniya i delikta // Vestnik Rossijskoj tamozhennoj akademii. 2010. № 1. S. 50–57.

7. Konstantinov P. Yu., Solov`eva A. K., Stukanov A. P. Vzaimosvyaz` administrativny`x pravonarushenij i prestuplenij: problemy` teorii i praktiki // Izvestiya vy`sshix uchebny`x zavedenij. Pravovedenie. 2005. № 3(260). S. 58–74.

8. Kurs sovetskogo ugovnogo prava : Chast` obshhaya : V 6 t. T. 2: Prestuplenie / Red. koll.: A. A. Piontkovskij [i dr.]. – M.: Nauka, 1970. – 516 s.

9. Lopashenko N. A., Golikova A. V., Kobzeva E. V. [i dr.] Obshhestvennaya opasnost' prestupleniya: ponyatie i kriterii verifikatsii // Pravoprimerenie. 2020. T. 4, № 4. S. 124–140.
 10. Pobezhimova, N. I. Administrativnoe pravonarushenie i ugolovny`j prostupok // Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie. 2019. T. 16, № 4. S. 525–529.
 11. Smirnov A. M. O definicii ponyatiya «prestuplenie» v Ugolovnom kodekse Rossijskoj Federacii // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. 2018. T. 12, № 3. S. 417–423.
- Shavy`rina A. S. Voprosy` sootnosheniya prestuplenij i smezhny`x administrativny`x pravonarushenij // Probely` v rossijskom zakonodatel`stve. 2010. № 1. S. 256–260.

Научная статья

УДК 342.415

СОЦИАЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ ГОСУДАРСТВА: ПОНЯТИЕ, СОДЕРЖАНИЕ, ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

**Фраделла Генри, к.ю.н., профессор криминологии и уголовного
правосудия, Университет штата Аризона, Финикс, Аризона, США,
henfradella.crj@mail.ru**

Аннотация

В статье преимущественно в научно-теоретическом аспекте исследуются некоторые вопросы, отражающие понимание социальной функции государства применительно к современным реалиям. Затрагивается Конституция РФ как источник норм, обеспечивающих воплощение социальной функции государства в России, и обосновывается практическая значимость теоретических вопросов, связанных с пониманием данной функции. Обращается внимание на наличие условного деления российского населения на две категории по уровню материального благосостояния, что опосредует необходимость активного участия государства в экономике в рамках реализации социальной функции, в целях нивелирования существенного разрыва в благосостоянии. Выделены некоторые подходы, с позиции которых рассматривается социальная функция государства и подчёркивается принципиальное различие понятий «социальная функция государства» и «функции социального государства». Отмечена обусловленность реализации социальной функции государства рыночным характером экономики. Указано на непостоянство понимания социальной функции государства и её обусловленность, в том числе, уровнем развития государства. Сделанный вывод о необходимости первоочередной ориентации не на предоставление готовых социальных благ, а на формирование благоприятных условий гражданам для самостоятельного создания (или) или получения таких благ.

Ключевые слова: государственные гарантии, государство, Конституция РФ, обязанности государства, социальная политика, социальная функция государства, меры социальной поддержки, социальное обеспечение, функции государства

Original article

SOCIAL FUNCTION OF THE STATE: CONCEPT, CONTENT, PROBLEMS OF IMPLEMENTATION

Henry Fradella, Candidate of Law, Professor of Criminology and Criminal Justice, Arizona State University, Phoenix, Arizona, USA¹

Abstract

The article mainly examines some issues reflecting the understanding of the social function of the state in relation to modern realities from a scientific and theoretical perspective. The article touches upon the Constitution of the Russian Federation as a source of norms ensuring the implementation of the social function of the state in Russia, and substantiates the practical significance of theoretical issues related to the understanding of this function. Attention is drawn to the existence of a conditional division of the Russian population into two categories according to the level of material well-being, which mediates the need for active government participation in the economy as part of the implementation of a social function in order to offset a significant gap in well-being. Some approaches are highlighted from which the social function of the state is considered and the fundamental difference between the concepts of "social function of the state" and "functions of the welfare state" is emphasized. The conditionality of the realization of the social function of the state by the market nature of the economy is noted. It is pointed out that the understanding of the social function of the state is unstable and that it is conditioned, among other things, by the level of development of the state. The conclusion is made about the need to prioritize not the

provision of ready-made social benefits, but the creation of favorable conditions for citizens to independently create (or) receive such benefits.

Keywords: state guarantees, the state, the Constitution of the Russian Federation, duties of the state, social policy, social function of the state, measures of social support, social security, functions of the state

Introduction

In the theory of state and law, among the basic problems can be identified the problem of determining the functions that it should perform. And we are not talking about the functions that it assumes formally, providing for the relevant norms in the basic law of the country (constitution), but about those that seem important from the point of view of the modern scientific view of the state, from the point of view of state-legal doctrine.

Questions concerning the interpretation of the social function, the definition of its content, and the definition of ways to implement it are controversial not only in practice, but also in the scientific and theoretical aspect, since modern science presents a lot of opinions on each of the significant aspects, despite the presence of some general vision of the social function as an important component of the activity of a civilized state governed by the rule of law. In this regard, it is important to understand the key aspects of this issue and present some suggestions that will help at least partially concretize some controversial issues related to the theoretical understanding of the social function of the state, including from the point of view of modern Russian law.

The main part

The problem under study is by no means exclusively theoretical, since it is closely intertwined with the problems of legislative regulation, primarily regulation within the framework of constitutional law and social security law. However, in this study, the main emphasis is placed on the scientific and theoretical component, namely, on understanding the nature of social functions, its content and justification of its significance in general.

Describing the inseparable connection with the practice of legislative regulation. Let us point out some norms of the Constitution of the Russian Federation [1], which embody, if not practical, then at least formal implementation of the function under consideration.

First, Article 7, where the Russian state is referred to as a social state, which is expressed in the declared orientation of its policy towards ensuring conditions for a decent life and free human development. In addition, this article lists a number of significant components of the social function, in particular:

- the minimum wage;
- state support for the family, motherhood, fatherhood, and childhood;
- support for disabled and elderly people;
- development of the social services system;
- provision of state pensions, allowances and other social guarantees (guarantees of social protection).

In addition, the Constitution of the Russian Federation contains some other norms that reflect the social orientation of Russian politics, in particular, Article 13 prohibits incitement to social discord, Article 19 provides for equality of guarantees, including the prohibition of restrictions based on social affiliation. In a number of constitutional norms, the State, represented by State authorities, is entrusted with the implementation of specific social functions (duties, powers). That is, there is no doubt about the practical significance of the social function, but from the point of view of its theoretical understanding, some difficulties arise, which are important to pay attention to precisely because of their connection with the practice of constitutional development.

Certain reasons for understanding the social function can be seen in the presence of a conditional division of Russian society into two parts:

- well-off individuals, including those who have super-incomes;
- the bulk of the population, whose social standard of living is at or close to the level of poverty [8, p. 4].

Of course, this division is very conditional, if we talk about specific statistical data, but from the point of view of theoretical understanding of the social problem, this division is quite understandable and appropriate. It contains quite clear contradictions that the state should level out precisely in the framework of the implementation of the social function.

Certain contradictions in the understanding of the functions of the state as a whole, and the social function in particular, are caused by differences in approaches that are chosen by different researchers. For example, the following functions are considered:

- in the context of an activity-based approach (as the activity of the state);
- in the context of the subject-policy approach (as the direction and content of the policy);
- from the point of view of the socio-teleological approach (as a manifestation of the social purpose of the state) [8, p. 14].

Of greater interest is the latter approach, where social functions are seen precisely in the purpose, in the role of the social function.

In addition, from a legal point of view, the literature also identifies three aspects of understanding the social state, depending on the interpretation of the concept of "social":

- social is understood in the general sense as social.
- social reflects the social status of a person, his relationship with society;
- social means consideration of issues in the economic (socio-economic) aspect, from the point of view of providing benefits (socially significant benefits) to members of society [8, pp. 18-19].

In this article, the author focuses on the third approach, understanding *the social state as a state where a certain level of well-being is provided, and this and such provision of the level of well-being is the main purpose of the state.*

Of course, the social function of the state is inextricably linked with other functions [8, p. 33], however, this does not prevent its special allocation and consideration as relatively independent.

The idea of the social function of the state can be considered the result of centuries-old confrontation between unprivileged and privileged classes and the development of philosophical ideas about the state and law. Moreover, these ideas were especially actively developed in Modern times by such thinkers as J. R. R. Tolkien. J. Rousseau, A Saint-Simon, S. Fourier, R. Owen [8, p. 17].

Of course, the lessons of the October Revolution of 1917, as well as the policy of the Soviet state throughout the entire period of its existence, could not but affect the formation of modern ideas about the social state, because the Soviet Union was one of the first states to provide real guarantees of social protection for working citizens, including in terms of limiting the length of working 8-hour working day) and providing opportunities for recreation [2], although the idea itself was originally outlined 100 years before the Revolution by R. Owen in the form of the slogan: "Eight hours is work. Eight hours of rest. Eight hours of sleep" [6, p. 182].

Of course, in the modern theory of state and law, the understanding of the social function has radically expanded in comparison with what it was at the beginning of the twentieth century, and now the essence of this function is interpreted fundamentally differently – in the context of all aspects of human existence in the economy. This provides the basis for an extended definition of the content of this function.

Taking into account the extremely broad understanding of the social function, the following three components can be distinguished in its content:

- protection of a person from social risks that exist in economic realities (in relation to Russia and most countries of the world, these are risks of a market economy);
- creation of prerequisites (conditions) for the development of the social sphere of society;

- distribution (redistribution) of socially significant material resources in the interests of the entire society and the state [8, pp. 43-70].

Therefore, the social purpose of the social function and its role is seen, among other things, in creating a certain balance in society. Moreover, the main reference point for ensuring this balance is the economic aspect of human life, since it is the economy that is the foundation on which all other conditions for a prosperous life are created, including those that have an intangible component, but depend on it (culture, education, healthcare, certain spiritual values).

Yu. N. Belyaeva considers the functions of the social state as directions of its activity, directions of its policy, ensuring the formation of a standard of quality of life of the population, improving the quality of life of the population and the absence of need for state assistance [4, p.102]. This approach generally reflects the content and social function of the State. However, it is important to emphasize the fundamental difference between the social function of the state and the functions of the social state: the social function of the state is precisely an activity in the social sphere; as for the functions of the social state, they do not always have a social orientation, so the concept of "function of the social state" is broader than the concept of "social function of the state".

N. V. Antonova and O. Y. Eremina write about social functions (specifically in the plural), seeing them in the state system of social protection and social security, which is aimed precisely at ensuring proper living conditions and providing means of livelihood [3, p.91]. While we agree with this vision as a whole, let us note that the provision of funds is only one of many aspects of the implementation of a social function. And, of course, this function can never be reduced to providing something, especially in a market economy.

In the theory of state and law, however, the question of expanding or narrowing the social function remains controversial for many years, especially in the post-Soviet period, despite the fact that the norms of the Constitution of the Russian Federation

declare Russia as a social state. At the same time, of course, no one questions the need for the state to perform this function.

Professor O. V. Martyshin points out the negative attitude of supporters of the idea of the social state to economic liberalism, while emphasizing that the idea of the social state is based mainly on the works of representatives of socialist and communist theories [7]. While recognizing the presented position as reasonable, we note that supporters of economic liberalism are also no strangers to the idea of a social state. The only difference is in the range of social guarantees that are considered necessary to provide the population with one and the other. In this regard, supporters of a liberal economy, of course, are in favor of a less extensive range of social guarantees.

Recognizing the controversial issue of the breadth of social support measures (social assistance), reflecting the implementation of the social function, we should agree with I. M. Blokhina and her co-authors that the social function of the state in relation to Russia, of course, should include measures to overcome poverty and improve the well-being of the general population, including ensuring access to health care and education, assistance in providing comfortable housing, and stimulating the birth rate [5, p. 261].

That is, the social function in some cases can be realized by directly providing a certain good, in others - by creating conditions for citizens to receive it independently. This issue is implemented differently for each component of the social function, and it is hardly possible to offer a single approach.

We consider it possible to agree with G. N. Tarasova that at the moment there has been a certain shift in understanding the quality of life [9, p. 156]. In this sense, the understanding of a social function cannot always be interpreted in the same way, at least in terms of its content and individual elements. Therefore, of course, the social function of the state is a dynamic category, largely depending on the level of development of the relevant state, the specifics of certain areas of its policy. And it is quite natural to have an excessively broad understanding of the social function of the

state in the conditions of the socialist order and a narrower one in the conditions of the capitalist order.

Conclusion

The social function of the state, in the author's opinion, should be considered as an integral basis of a civilized modern state governed by the rule of law, which is necessary not only to ensure an acceptable (maximum possible) level of well-being of the population, but also to steadily increase this level. This is a dynamic category, largely determined by the real capabilities of the state, and largely dependent on the current political, economic and legal order. Therefore, the social function is certainly considered more broadly within the framework of a socialist state than in the context of a capitalist state.

Taking into account the specifics of the Russian legal system and the Constitution of the Russian Federation, which guarantees economic freedom to the population, the social function of the state should be considered taking into account this factor and should be focused mainly not on providing ready-made social (material) goods, but on creating favorable conditions for their independent creation and (or) receipt.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июл. 2020 г.) // Рос. газ. 1993. 26 дек.; 2020. 2020. 4 июл.
2. О восьмичасовом рабочем дне: Декрет Совета Народных Комиссаров от 29 окт. 1917 г. – утратил силу // СПС «КонсультантПлюс».
3. Антонова Н. В., Еремина О. Ю. Социальные функции государства: новые векторы развития // Журнал российского права. 2020. № 12. С. 89–102.
4. Беляева Ю. Н. О социальных функциях государства // Журнал российского права. 2016. № 1(229). С. 99–106.

5. Блохина И. М. [и др.] Социальная политика и ее основные направления в Российской Федерации // Вестник Академии знаний. 2021. № 44(3). С. 256–261.
6. Зиновьев Г. Е. Сочинения. М.; Пг.; Л.: Госиздат, 1923-1929. Т. 6 : Партия и профсоюзы. 1929. 645 с.
7. Мартышин О. В. Идея социального государства и ее противники // Государство и право. 2011. № 12. С. 5–15.
8. Парий-Сергеенко Е.П. Социальная функция современного Российского государства: монография. Ростов н/Д: Профпресслит, 2020. 127 с.
9. Тарасова Г. Н. Качество жизни и социальные функции государства // Образование и проблемы развития общества. 2020. № 3(12). С. 150–157.

References

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii : prinyata vsenarodny`m golosovaniem 12 dek. 1993 g. (s izm., odobr. v xode obshheros. golosovaniya 1 iyul. 2020 g.) // Ros. gaz. 1993. 26 dek.; 2020. 2020. 4 iyul.
2. O vos`michasovom rabochem dne: Dekret Soveta Narodny`x Komissarov ot 29 okt. 1917 g. – utratil silu // SPS «Konsul`tantPlyus».
3. Antonova N. V., Eremina O. Yu. Social`ny`e funkicii gosudarstva: novy`e vektory` razvitiya // Zhurnal rossijskogo prava. 2020. № 12. S. 89–102.
4. Belyaeva Yu. N. O social`ny`x funkciyax gosudarstva // Zhurnal rossijskogo prava. 2016. № 1(229). S. 99–106.
5. Bloxina I. M. [i dr.] Social`naya politika i ee osnovny`e napravleniya v Rossijskoj Federacii // Vestnik Akademii znaniy. 2021. № 44(3). S. 256–261.
6. Zinov`ev G. E. Sochineniya. M.; Pg.; L.: Gosizdat, 1923-1929. T. 6 : Partiya i profsoyuzu`. 1929. 645 s.
7. Marty`shin O. V. Ideya social`nogo gosudarstva i ee protivniki // Gosudarstvo i pravo. 2011. № 12. S. 5–15.
8. Parij-Sergeenko E.P. Social`naya funkciya sovremennogo Rossijskogo gosudarstva: monografiya. Rostov n/D: Profpresslit, 2020. 127 s.

Tarasova G. N. Kachestvo zhizni i social'ny'e funkcii gosudarstva // Obrazovanie i problemy` razvitiya obshhestva. 2020. № 3(12). S. 150–157.

Научная статья

УДК 348

МЕСТО РЕЛИГИОЗНЫХ НОРМ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНЫХ РЕГУЛЯТОРОВ СОВРЕМЕННОГО СВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

**Фарралл Стефен, Ph.D., профессор криминологии факультета социологии
и социальной политики, Ноттингемский университет, Ноттингем,
Великобритания, sfarrall.nott.uk@yandex.ru**

Аннотация

В настоящей статье рассматриваются религиозные нормы в контексте социальных регуляторов применительно к современному светскому государству. Акцент делается именно на теоретико-правовом аспекте, хотя и некоторые законодательные вопросы затрагиваются. В частности, автор предпринимает попытку осмыслить и дать объективную оценку религиозных норм с точки зрения действующей Конституции РФ в целом и отдельных её положений, посвящённых вопросам религии. Обосновывается неразрывная взаимосвязь современного светского права и его норм с религиозным правом и религиозными нормами. Делается вывод о нецелесообразности полного отказа от религиозных норм ввиду их роли как регуляторов самосознания, правосознания и поведения граждан, причём более надёжных, чем правосознание, базирующееся на нормах светского права. Также обосновывается важность сохранения баланса между религиозными и светскими нормами, с приоритетом последних в условиях современного светского государства, обществу которого свойственна определённая степень религиозности.

Ключевые слова: государство, Конституция РФ, нормы морали, нравственные нормы, право, религиозные нормы, светское государство, светское право, социальные регуляторы, этические нормы

Original article

THE PLACE OF RELIGIOUS NORMS IN THE SYSTEM OF SOCIAL REGULATORS OF THE MODERN SECULAR STATE: THEORETICAL AND LEGAL ASPECT

Stephen Farrall, Ph.D., Professor of Criminology (Faculty of Sociology and Social Policy), University of Nottingham, Nottingham, United Kingdom

Abstract

This article examines religious norms in the context of social regulators in relation to the modern secular state. The emphasis is on the theoretical and legal aspect, although some legislative issues are touched upon. In particular, the author attempts to comprehend and give an objective assessment of religious norms from the point of view of the current Constitution of the Russian Federation as a whole and its individual provisions on religious issues. The article substantiates the inextricable relationship of modern secular law and its norms with religious law and religious norms. It is concluded that it is inappropriate to completely abandon religious norms due to their role as regulators of self-awareness, legal awareness and behavior of citizens, and more reliable than legal awareness based on the norms of secular law. It also substantiates the importance of maintaining a balance between religious and secular norms, with the latter taking precedence in a modern secular state, whose society is characterized by a certain degree of religiosity.

Keywords: state, Constitution of the Russian Federation, norms of morality, moral norms, law, religious norms, secular state, secular law, social regulators, ethical norms

注释

这篇文章的目的是分析之间的关系概念的"罪行"和"犯罪"框架内的国内法律科学与发展的建议为解决有争议的问题的关系的这些概念。提交人认为,该概念的定义"罪行"和"行政违法行为"的上下文中这种迹象作为公共危险,是非法的,有罪,处罚. 研究现象的公共危险作为一个关键的区别特征的犯罪。关于该

问题的公共危险，该条指出，复杂性，这一功能及其构成要素。该文章提出了疑问的职位，这些研究人员也看到一个公共危险，在行政违法行为。证实的 *inexpediency* 的拒绝使用该标志的公共危险和其他标志的规范刑法典，俄罗斯联邦在关于本概念的定义的犯罪。使得一个结论有关的罪行的广泛概念，包括犯罪和行政犯罪。它指出，这一标准的公共危害是主观的和有条件的，由于其应用的可能性只有在上下文中的一个具体的时间框架，并考虑到当前的立法和法律的发展。

关键词： 行政责任，行政惩罚、损害、行政法规的俄罗斯联邦、公共危险的罪行、犯罪、犯罪的迹象，刑事责任、刑事处罚，刑法的俄罗斯联邦

介绍

在现实的现代国家，无论是在公共的意识，并在法律上，这个想法的领导作用的法律，因此，法律规范为基础，建设国家本身和社会关系，开发在已经扎根于一个相对较长的时间。有相当清楚的原因和先决条件。但在这种情况下，它几乎是不值得分析。

宗教规范在这些条件，虽然他们已经失去了他们以前的意义，没有完全消失，并继续发挥一定作用，不仅在国家宗教传统仍然强烈，但是也在世俗国家，因此他们成为来源的矛盾。这意味着问题的确定地方的宗教规范系统的社会监管机构仍然是相关的。

这篇文章的目的是作出一些贡献对于确定地方的宗教规范系统的社会监管机构的现代世俗国家，主要是在理论和法律方面。

主要的部分

在谈到地方的宗教规范系统的社会监管机构的一个世俗国家，这是不可能的，更不用说一个具体的例子就清楚地说明宗教的作用有关的现代社会。在这方面，值得一提的是俄罗斯联邦宪法在 1993 年通过[1]. 这个文件明确强调了世俗的性质的立法，并在同时承认和尊重宗教和相应的价值，承认、支持、开发和价值在社会中的感谢。

《宪法》第 14 条的俄罗斯联邦国家，俄罗斯联邦是一个世俗国家与宗教可成立一个国家或强制性宗教。同时，宗教协会是从国家分离，并在法律面前一律平等。

这一准则显然反映了希望俄罗斯国家确保一定的平衡之间盛行的世俗法和宗教价值观。在这个意义上说，毫无疑问，在现代世俗国家也尊重宗教规范到一定的程度。这项宪法规范，因为它似乎对我们是一个例子，尽管是间接的，尽管如此，一个真正承认一定的作用的宗教规范。

19《宪法》，俄罗斯联邦，根据其国家保障平等人权和公民权利和自由，不论性别、种族、国籍、语言、出身、财产和公务身份、居住地、宗教态度、信仰、成员资格在公共团体，以及其他情况。任何形式的限制公民权利的基于社会、种族、民族、语言或宗教从属关系也是禁止的。根据这一条，我们可以得出一个完全明确的结论有关国家尊重宗教价值观和宗教规范。否则，就没有提到禁令限制的人的权利，包括由于他们的宗教从属关系。

28 俄罗斯联邦宪法，根据每个人都是保证良心自由、宗教自由，包括有权信奉自单独地或与他人共同任何宗教或不信奉任何可自由选择，有和宣传宗

教和其他信仰和行为，根据他们。这意味着每个公民或其他人合法居住在领土的国家有权为指导，在他们的生活，包括通过宗教规范，这是一个重要组成部分的宗教。这一规定肯定是另一个例子承认的宗教规范通过世俗法律。

我必须说，有一定的认可的宗教价值观和宗教的规范准则的世俗立法具有一定的历史、文化、法律和其他先决条件是显着现代社会。**因此，如果国家被认为是基础上的文明的方法**，也变得显而易见的，其基础是最初形成的这种价值观念为宗教和文化，包括，一般来说，精神因素，确保了某些完整性[6, p.149]. **在这个意义上**，没有剥夺，没有忽略，没有禁止条款的宗教规范完全对应于科学发达的文明的方法。

这里有理由说，世俗法是，在一定程度上，宗教法律已经通过了一个漫长道路的转变。**而且，基于这一结论也提供了一个清楚的了解的**特殊作用的道德和道德原则在世俗的法律，这样的基础，无疑源自宗教教条。

鉴于上述情况，这是不可能不同意 **V.D.佐金的意见**，即法律不可分割准则的道德是由宗教传统或世俗意识形态，都扎根于文化和符合灵魂的每一个正常的人(即，一个人的个人道德不 dissonate 与公共道德和法律为准则的自由)和共同点对于这些准则，因为这个作者写道， **是的想法一个人和社会关于什么是良好和适当的**[2,p. 5].

在一般情况下，地方的宗教规范系统的社会监管机构，包括在法律系统，在很大程度上决定通过的法律承认的道德准则，而不是通过直接承认的宗教思想在世俗的来源调节社会关系。

因此，承认和说明理由的特殊作用的道德成分在世俗的法律是同时的理由，并认识方面的作用的宗教规范，在世俗法律。

"许多事实的科学和生证明的道德丰富的法律的法律。道德原则和法律准则的国家相互连接几乎相同程度的宗教和道德都是相互关联的。因此，即使法律允许的一些-行动，禁止通过宗教的戒律，这种立法的纵容是不会批准的绝大多数在道德上开明的和受过教育的人；不道德行为本身都甚至更多的指责(例如，醉酒、卖淫、乱伦、鸡奸、自杀等)。自古以来，道德准则已经包括在列表的来源，因此，它们自己直接确定该内容的许多法律规范，它们的适当解释和应用中的生活。 "[p. 21]

同意上述，应当确定三个组成部分的基础上的社会管制进行一个现代国家，其中包括一个世俗的一种：

- 规范的世俗法律；
- 规范的道德和道德；
- 宗教规范。

第一类别的监管机构无疑是一般约束力。第二个不是一般约束力，尽管它可以得到法律承认和正式化，如果有必要的。宗教准则，在很大程度上有助于建立道德准则不是强制性的，在一个世俗国家，但他们创造先决条件的出现、承认和执行道德规范在公共关系，包括那些由法律规定。

理解的重要意义的宗教规范，但是，不能排除出现的有关问题的权宜之计维持这种调节器，作为一个重要的社会监管机构，包括那些公认的法律。在

这种情况下，重要的是了解以下内容："如果对基督教意识"保持"有不同的神学上的解释，则对于世俗意识的唯一的竞争者的作用"保持"现在可以是一项法律理解为法律的法律，即法律对应的实质的法律。在同一时间，世俗的(并经常宗教)的意识就无法帮助，但敏锐地意识到这一事实，在当今时代的变化，"限制"的法律也往往不起作用，暴露出的"秘密的无法无天的状态"。 "[p. 6]

如果我们接受有效性的这一声明，我们可以认为宗教规范的行为作为一个额外的因素的限制无法无天的状态，包括在世俗的意义。因此，一个几乎可以毫无疑问，刑事责任，对谋杀罪成立的世俗法的补充，在一定程度上，例如，通过基督徒的命令"你不应杀人"。在这种情况下，威慑作用是同时发挥国(代表由其执法机构)和上帝的，他的思想是根深蒂固的头脑中的宗教的公民。

教授 I.V. Levakin 写道："今天没有人需要被说服，有一个危机的道德基础的现代俄罗斯的社会和法律机构相互连接与他们"[p. 97]. 这种声明通常可以应用于社会形成的人口的任何其他国家。因此，宗教规范始终成为一种稳定的基础，如果不加以排除，那么至少减少了严重的危机(在道德方面)的现象。

然而，没有理由要求宗教规范的东西是永恒的，不可动摇的。在这里，但是，我们应该同意 I.V. Levakin，他强调："我们再次在一个转折点，在社会发展，这个转折点是在精神领域。道德和法律准则是历史上移动；甚至宗教教条的修改，体现了相互作用的稳定的价值观的社会新的。在现代多文化、多宗教、阶级划分(层)俄罗斯 雾化 社会，这是极为难以克服的对抗的行为准则、思

想、传统看法正义，责任，荣誉、尊严、以及来的协议的普遍价值观。 "[p. 107]

如果我们认识到一定的作用，这些因素的多元文化和 multireligion, 然后我们可能会认为有关的负面影响的宗教成分，在该系统的社会监管。然而，它将是一个错误放弃这样的一个组成部分。 "差异的宗教当然存在，但它至少不合理地考虑他们一个"定时炸弹"。 肆无忌惮的政治家可以利用某些文化和宗教差别煽动冲突为自己的自私利益，但后来冲突的原因不是宗教，而是政治。 "[6, p. 149].

在一般情况下，忽略了宗教方面，放弃宗教的基础上，不能被认为是建设性的解决问题的方案的现代社会的发展背景下的法律。 作为 A.M.伊万诺夫正确地指出，"该条规定，'没有任何宗教可成立一个国家或强制性的一种'不会废除宗教，所以在各种监管机构的公共关系、宗教和法律规范仍然站出来为他们有特殊的重要性。 在某些时期的历史的不同国家、宗教法成为同样重要的与国家法律"[p. 13].

在上述背景下，重要的是要注意的基本方向的交叉、相互联系和相互影响的世俗的(国家)和宗教规范。

-该法律体现现代法律制度是相关联的**本体论的 canon 法**》；

-可能性的认识，通过国家司法机构的准则的 **canon 法律和决定的宗教法院**基于若干司法先例；

-肯定的自主权和本体论的合法性的宗教规范宇宙；

- 复杂的监管的交叉点和重叠的规范的规范和国家法律领域中的家庭关系，在生物医学领域，在文化领域，并在其他一些领域的公共关系；
- 间接的道德影响的必要性从 canon 法律上的国家的现代世俗法(研究所的赦免，研究所的假释)[7,p. 134].

结论

世俗规范表示在正规法律都是密切相关的宗教规范。在某些情况下，这种关系是直接的，在其他间接的。然而，毫无疑问存在这方面，鉴于道德规范，最初源于宗教的想法是明确承认和实现精确的框架内，世俗法律，即使宗教性质的某些规范的世俗法律没有直接提及。

想法有关的负面影响的宗教准则在现代社会可以有理由在一些情况。然而，一般来说，拒绝宗教的作用，并试图忽略这似乎并不具有建设性。在这里，它是根本性的重要之间保持平衡的世俗和宗教规范，并不放弃对后者。

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июл. 2020 г.) // Рос. газ. 1993. 26 дек.; 2020. 2020. 4 июл.
2. Зорькин В. Д. Суть права // Вопросы философии. 2018. № 1. С. 5-16.
3. Иванов А. М. Метаморфозы религиозного правосознания // Теология. Философия. Право. 2023. № 2(20). С. 8–25.
4. Левакин И. В. Право и религиозно-нравственные нормы российского общества // Журнал российского права. 2012. № 6(186). С. 97–106.

5. Осипян Б. А. О религиозном происхождении и взаимодействии норм нравственности и права (часть 1) // Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2006. № 6(72). С. 19–22.
6. Остроумов С. В. [и др.]. Конституционные и религиозные нормы как основа межконфессионального диалога на постсоветском пространстве // Юридическая наука: история и современность. 2015. № 9. С. 148–158.
7. Тупикин Р. В. Особенности взаимодействия церковного и светского права: историко-канонический аспект // Богословско-исторический сборник. 2022. № 2(25). С. 123–136.

References

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii : prinyata vsenarodny`m golosovaniem 12 dek. 1993 g. (s izm., odobr. v xode obshheros. golosovaniya 1 iyul. 2020 g.) // Ros. gaz. 1993. 26 dek.; 2020. 2020. 4 iyul.
2. Zor`kin V. D. Sut` prava // Voprosy` filosofii. 2018. № 1. S. 5-16.
3. Ivanov A. M. Metamorfozy` religioznogo pravosoznaniya // Teologiya. Filosofiya. Pravo. 2023. № 2(20). S. 8–25.
4. Levakin I. V. Pravo i religiozno-nravstvenny`e normy` rossijskogo obshhestva // Zhurnal rossijskogo prava. 2012. № 6(186). S. 97–106.
5. Osipyan B. A. O religioznom proisxozhdenii i vzaimodejstvii norm npravstvennosti i prava (chast` 1) // Predstavitel`naya vlast` – XXI vek: zakonodatel`stvo, kommentarii, problemy`. 2006. № 6(72). S. 19–22.
6. Ostroumov S. V. [i dr.]. Konstitucionny`e i religiozny`e normy` kak osnova mezhkonfessional`nogo dialoga na postsovetskom prostranstve // Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost`. 2015. № 9. S. 148–158.
- Tupikin R. V. Osobennosti vzaimodejstviya cerkovnogo i svetskogo prava: istoriko-kanonicheskij aspekt // Bogoslovsko-istoricheskij sbornik. 2022. № 2(25). S. 123–136.

Научная статья

УДК 340: 348.6

ВОПРОСЫ ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОГО ОБОСНОВАНИЯ ПРИМЕНЕНИЯ ШАРИАТА В РЕАЛИЯХ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ СВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

**Тейлор Майкл П., Ph.D., Мемориальный университет Ньюфаундленда,
Сент-Джонс, Канада, mtptaynflld@outlook.com**

Аннотация

В статье затрагивается весьма нетипичный для российской правовой науки вопрос теоретико-правового обоснования использования шариата в условиях светской правовой системы. Предпосылкой для обращения к проблеме послужило принятие Федерального закона от 4 августа 2023 года № 407-ФЗ о проведении на территории отдельных российских регионов специального эксперимента по внедрению в договорные отношения практики, исключающей начисление ссудного процент, в рамках договоров партнёрского финансирования, что можно расценить как заимствование отдельных идей исламского права и, в частности, шариата в рамках светской правовой системы. Автор рассматриваются представления о шариате как общественном, религиозном и правовом явлении, но с позиций современной светской юридической науки. Обращается особое внимание на наличие в шариате именно юридической составляющей, наряду с религиозной и нравственно-этической. Дается обзор некоторых запретов и ограничений, обусловленных шариатом и применяемых в экономических отношениях, регулируемых исламским правом. С точки зрения возможности применения шариата в светском праве автор выделяются некоторые формы возможного взаимодействия светского и шариатского права. Теоретические идеи иллюстрируются практическими примерами использования правил шариата в законодательном и подзаконном регулировании, договорной и судебной практике. Основная идея, отстаиваемая в рамках статьи, заключается в

возможности применения шариата лишь как элемента, отчасти дополняющего светское право в случаях диспозитивного регулирования, при условии сохранения ведущей роли светских норм, отсутствии явных противоречий, и применении исключительно формальных правил, вписывающихся в светские представления о праве и общественных правоотношениях.

Ключевые слова: ипотека Мурабаха, ислам, Конституция РФ, светская правовая система, религиозное право, религия, светское государство, светское право, шариат

Original article

ISSUES OF THEORETICAL AND LEGAL SUBSTANTIATION OF THE APPLICATION OF SHARIA IN THE REALITIES OF THE LEGAL SYSTEM OF A SECULAR STATE

Micheal P. Taylor, Ph.D., Memorial University of Newfoundland, St. John's, Canada

Abstract

The article touches upon the issue of theoretical and legal justification of the use of Sharia in a secular legal system, which is very atypical for Russian legal science. The prerequisite for addressing the problem was the adoption of Federal Law No. 407-FZ of August 4, 2023 on conducting a special experiment on the territory of certain Russian regions to introduce into contractual relations a practice that excludes the accrual of loan interest within the framework of partnership financing agreements, which can be regarded as borrowing certain ideas of Islamic law and, in particular, Sharia within the framework of a secular legal system. The author examines the concepts of Sharia as a social, religious and legal phenomenon, but from the perspective of modern secular jurisprudence. Special attention is paid to the presence of a legal component in Sharia, along with a religious and moral-ethical one. An overview is given of some of the prohibitions and restrictions imposed by Sharia and applied in economic relations regulated by Islamic law. From the point of view of the

possibility of applying Sharia in secular law, the author identifies some forms. possible interaction of secular and Sharia law. The theoretical ideas are illustrated by practical examples of the use of Sharia rules in legislative and subordinate regulation, contractual and judicial practice. The main idea defended in the framework of the article is the possibility of applying Sharia only as an element partially complementing secular law in cases of dispositive regulation, provided that the leading role of secular norms is preserved, there are no obvious contradictions, and the application of exclusively formal rules that fit into secular concepts of law and public legal relations.

Keywords: Murabakh mortgage, Islam, Constitution of the Russian Federation, secular legal system, religious law, religion, secular state, secular law, Sharia

Введение

Правовая система любого государства, находясь в постоянном развитии и трансформируясь под влиянием самых разных факторов, адаптируется к реалиям конкретного государства, в том числе посредством заимствования тех или иных ценностей, опыта, прочих элементов регулятивного характера из культурной, религиозной, иных сфер общественной жизни.

Например, в современном мире имеют место случаи заимствования светскими правовыми системами некоторых инструментов социального регулирования, имеющих религиозную природу. Подобные случаи представляют особый научный интерес ввиду своей редкости, нестандартности, и ценны как опыт совмещения изначально противоречащих друг другу светских и религиозных ценностей именно в условиях светской правовой системы, причем без принципиального изменения ее характера. Один из таких случаев, отражающий заимствование некоторых идей ислама (шариата) в рамках гражданско-правового регулирования ипотеки («ипотека Мурабаха»), рассматривается в настоящей статье, с точки зрения теоретико-правового обоснования.

Основная часть

Говоря о вопросах применения шариата в реалиях правовой системы светского государства, автор считает принципиально важным обратить первоочередное внимание на конституционные нормы, которые в данном случае, безусловно, принимаются за основу. Во-первых, ст. 1 Конституции РФ [1] провозглашает Россию как демократическое государство с республиканской формой правления; во-второй, ст. 14 определяет статус России как светского государства. Исходя из этого, теоретико-правовые вопросы рассматриваются в контексте заимствования лишь некоторых элементов шариата, не вступающих в какие-либо противоречия с закреплёнными в Конституции РФ идеями.

И здесь важно уточнить понимание шариата с точки зрения современной юриспруденции, причём светской, и конечно, с опорой на труды авторов, рассматривающих его исключительно в контексте светского государства и светской правовой системы. Б. А. Антонов – один из них. В его статье подчеркивается, что шариат прошёл достаточно длительный путь развития, условно состоящий из нескольких этапов трансформации и в результате на сегодняшний день он стал своего рода субсидиарной правовой концепцией [6, с. 79].

Отчасти указанный автор прав, отмечая наличие определённых изменений данной правовой концепции. Однако мы не можем согласиться с субсидиарной ролью шариата. Скорее его можно назвать вспомогательным инструментом, по крайней мере применительно к правовой системе современного светского государства, поскольку именно светски представления о мире, обществе, государстве лежат в основе светской правовой системы. Хотя если рассматривать шариат применительно к отдельным вопросам, регулируемым им в соответствии с нормами светского права, то возможно, субсидиарность тоже имеет место быть.

Если говорить именно о сущности рассматриваемого феномена, с учетом религиозного аспекта, то можно согласиться с профессором Г. И. Муромцевым в том, что в самом общем виде шариат (араб. – «правильный путь») есть

выражающий волю Аллаха комплекс предписаний религиозного, нравственного и правового характера, представленный в Коране и Сунне [9, с. 83].

То есть указанное описание отражает комплексность шариата как социального регулятора. И в чем-то он даже близок светскому праву, если не учитывать наличие религиозной составляющей, во многом обуславливающей его смысл. И конечно, данный аспект не может игнорироваться при рассмотрении вопроса о возможности заимствования некоторых элементов шариата в светской правовой системе.

Примечательно, что отдельные исследователи не подчёркивают комплексный характер шариата и сочетание в его рамках наряду с религиозными предписаниями также предписаний правового, этического и нравственного характера. Например, Д. Т. Кулиев характеризует шариат как комплекс предписаний Корана и Сунны [8, с. 23], не акцентируя внимание на их природе. В этой связи для знатоков ислама отсутствие указаний на сочетание правовой, религиозной, этической составляющих не имеет особого значения, поскольку шариат воспринимается догматически, как некая единая система предписаний, прежде всего, религиозного, священного характера. Однако с точки зрения юридического анализа указанные компоненты особо важны, поскольку именно их наличие даёт возможность рассматривать шариата как объект правового заимствования, причем лишь в отдельных аспектах, совместимых с светской правовой системой.

Важной характеристикой шариата является неизменность его предписаний. Хотя они отличаются определённой гибкостью и универсальным характером [8, с. 23]. Данные особенности дают возможность, сохраняя многовековые традиции, адаптировать те или иные идеи к реалиям современного общества, и если уж идёт речь о светском государстве, то к реалиям светского законодательства в целом и к нормам, регулирующим отдельные правоотношения, где шариат может быть с определённой условностью применён.

Развивая мысль об упомянутых выше характеристиках шариата, стоит согласиться с мнением Д. Т. Кулиева в универсальности, динамичности и всеохватывающем характере шариата как системы общественного регулирования [8, с. 23]. Однако, таковой характер она, безусловно, имеет в соответствующих исламских государствах, а также в среде верующих граждан, придерживающихся канонов ислама.

С точки же зрения законодателя светского государства, который обязан ориентироваться в первую очередь на светские основы государства и права, шариат не может рассматриваться как всеохватывающая система. Здесь значение скорее имеют нормы и идеи, в целом относящиеся к регулированию отдельных сфер общественных отношений, например, экономики. Данное мнение базируется на том, что в основе светского государства все-таки лежит именно светское право. Что же касается религиозных норм в целом, в том числе и шариатских, то они заимствуются в определённой степени фрагментарно, в тех пределах, в коих не вступают в противоречие с положениями светского права.

Здесь, однако, нельзя игнорировать тот факт, что шариат, даже будучи заимствованным фрагментарно в рамках светской правовой системы, включает в себя три составляющих, а именно:

- религиозную догматику;
- этику;
- нормы практического характера [8, с. 23].

И в этой связи одно от другого неотделимо. Иными словами, если в рамках светской правовой системы заимствуются те или иные практические нормы, то принципиально важно учитывать их религиозную основу и этическую составляющую, которые важны, даже если соответствующие нормы формально не будут закреплены в источнике светского права, заимствующем идеи шариата.

В решении вопросов, связанных с применением шариата в реалиях светской правовой системы важно придерживаться максимально возможной конкретности при избрании тех или иных идей для заимствования. По этой

причине, например, такие характеристики шариата, как идеальность его как модели (ориентира) для мусульманина, стержневое значение для ислама [11, с. 38], особой роли не играют с точки зрения применения в светском праве. Ведь если говорить о применении тех или иных идей в рамках правовой системы, то они, так или иначе, должны быть формализованы; более того, распространяться не только на мусульман, но и на иных лиц, выступающих в качестве субъектов соответствующих правоотношений.

В то же время факт признания шариата «надлежащим путём» [11, с. 38], ориентиром в жизни мусульманина, признание данного источника в исламской среде как божественного начала, может стать дополнительным аргументом для положительного решения вопроса о внедрение шариата в светскую правовую систему.

Некоторые идеи, содержащиеся в шариате, особенно ценны с точки зрения возможностей их заимствования в современном светском государстве, в том числе и в сфере экономических правоотношений. Им характерно наличие ряда запретов (ограничений) на использование инструментов, считающихся традиционными для западной экономики:

- рибха (начисление ссудного процента, например, по договорам о займе);
- гарар (совершение сделок, в основе которых лежит риск и неопределенность, в частности, продажа товара, де-факто отсутствующего у продавца);
- майсир (совершение сделок, ориентированных на удачу или спекуляции) [7, с. 35].

То есть изъятие из экономических отношений указанных инструментов делает соответствующие отношения более предсказуемыми, что, конечно же, нельзя не расценивать положительно с точки зрения минимизации рисков, причём как финансовых, так и правовых, связанных с потенциальной возможностью неисполнения принятых на себя обязательств. С другой стороны, отказ от указанных инструментов вовсе не означает полное исключение рисков.

Также это не означает исключение и прочих, естественных для экономики явлений, в том числе принципа возмездности в рамках отношений займа денежных средств. То есть применение норм шариата не влечет принципиального изменения природы экономических правоотношений.

С. Н. Бизюков существующие в случае применения норм шариата запреты в сфере экономических отношений характеризует как главные факторы, исходя из которых решается вопрос о действительности или недействительности сделки. Также указанные запреты определяют границы применительно к совершению финансовых операций, которые ни в коем случае нельзя переступить. При этом в качестве ключевого запрета указанном автором отмечается риба (ссудный процент): отказ от данного инструмента присущ всем исламским банком и в целом системе исламского банкинга [7, с. 35].

С учётом изложенного появляется возможность сделать вывод о том, что такой религиозный феномен, как шариат, содержит в себе вполне конкретные принципы экономических правоотношений, отличающиеся логичностью, прагматичностью, нацеленностью на минимизацию рисков и разного рода негативных экономических явлений, пригодные для заимствования в условиях светской правовой системы современного государства.

В рамках изложенного выше нет цели обосновать какие-либо преимущества шариатских принципов экономики и права. Главная цель в данном случае видится в обосновании возможности заимствования соответствующих принципов светской правовой системой современного государства, причем без ущерба для ее развития в светском русле, что важно особенно.

И здесь нельзя не упомянуть о потенциально возможной конкуренции светских (юридических) и религиозных (шариатских) регуляторов. В таком случае приоритет должен отдаваться именно светским инструментам регулирования, на что указывает, например, проф. Л. Р. Сюкияйнен [10, с. 18].

Возможность конкуренции норм шариата и норм светского права в рамках правовой системы может быть исключена полностью либо сведена к минимуму благодаря наличию различных вариантов их взаимодействия друг с другом.

Среди форм такого взаимодействия выделяются:

- непосредственное включение шариатских норм и институтов в светское законодательство;
- обращение к отдельным положениям шариата в случае применения диспозитивных норм светского права, позволяющих делать выбор на своё усмотрение в определённых законом рамках;
- общая ссылка на определённые принципы, традиции, имеющие исторические корни, к которым относятся и идеи, содержащиеся в шариате [10, с. 20–25].

Достаточно интересным является и вариант не применения шариата вообще, а заимствование норм исламского права в рамках светской правовой системы, причём не в целом, а именно относительно отдельных элементов. Возможности для этого обусловлены тем, что отдельные принципы и нормы, используемые в рамках исламского права, с одной стороны, напрямую не связаны с религией, хотя к религиозным и могут быть отнесены [10, с. 21]. Изложенное относится в том числе и к так называемым принципам исламского банкинга, в частности, к запрету начисления ссудного процента, ведь в их основе лежат именно идеи, представленные в шариате. С другой стороны, если в нормах светского права не указывать непосредственно на религиозные происхождение соответствующих принципов, то они могут расцениваться и как светские. В этом случае не ставится под сомнение светский характер права и в то же время соответствующие принципы могут декларироваться как отвечающие канонам ислама и шариата в частности, что важно для лиц, придерживающихся их.

В этой связи достаточно заслуживающим особого внимания представляется российский опыт применения принципов шариата в нормах законодательства, договорной и судебной практики. Так, 4 августа 2023 года был

принят Федеральный закон № 417-ФЗ в рамках эксперимента, проводимого на территории отдельных регионов в части регулирования сделок по партнёрскому финансированию, исключающих вознаграждение в виде процентной ставки [2]. Это именно тот случай, когда исключено начисление процентов, исходя из норм шариата, в то же время в указанном Федеральном законе не упоминается ни о шариате, ни об исламе, ни о каких-то иных религиозных нормах, институтах, принципах. В этом смысле он в полной мере является светским. С другой стороны, он отражает в полной мере развиваемый в России принцип исламского банкинга, базирующийся на шариате в целом и запрете начисления процентов в частности.

Примечательно, что в рамках применения указанного Федерального закона ПАО «Сбербанк» разработало ряд продуктов, основанных на принципах шариата и исламского банкинга. Среди таких продуктов особо выделяется «Ипотека Мурабаха» [5], суть которой выражается в том, что с одной стороны, на используемые средства банк не начисляется проценты; с другой стороны, сохраняется принцип возмездности сделки, свойственный кредитным отношениям, поскольку займодаделец вместо процентов получает выгоду в результате наценки на приобретаемый на заёмные средства объект.

Следует сказать и о таком феномене, как продукция и услуги халяль, на которые даже был разработан и принят ГОСТ Р 70405-2022. Данный документ содержит раздел «теологические термины и определения», где раскрывая понятие «мубах» как допустимое деяние, не запрещенное шариатом [3].

Надо отметить и наличие случаев упоминания о шариате и основанном на нём исламском банкинге в российской судебной практике при рассмотрении гражданских и арбитражных дел, когда, например, сторона ссылается на определённый договором запрет начисления процентов, обусловленный законами шариата (договор мурабаха) [4]. В подобных случаях, несмотря на упоминание исламских правовых понятий, носящих именно религиозный характер, суть сводится к применению конкретных юридических норм,

нашедших отражение в светском законодательстве. Это означает, что какие-либо фрагментарные случаи внедрения в правовую систему и применения в ее рамках принципов и правил, пусть и имеющих религиозных корни, не сказываются на светском характере правовой системы и светском характере конкретных общественных правоотношений, в том числе и экономических правоотношений.

Заключение

Проведённый анализ показал, что применение шариата в реалиях правовой системы светского государства может быть допустимым при определённых условиях: фрагментарность заимствования принципов, правил, норм шариата в рамках светской системы; отсутствие каких-либо противоречий между светскими и шариатскими нормами и применительно к регулированию конкретных правоотношений; сохранение приоритетной силы светского права.

Применение шариата в условиях светской правовой системы должно основываться на источниках светского права, обеспечивать максимально возможное абстрагирование от регламентации светским правом религиозных нюансов и сосредоточение на конкретных формальных правилах, которые вписываются в светские представления о праве и общественных правоотношениях.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020) // Рос. газ. 1993. 26 дек.; 2020. 2020. 4 июл.
2. Федеральный закон от 04.08.2023 № 417-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для осуществления деятельности по партнерскому финансированию в отдельных субъектах Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Справочно-поисковая система «КонсультантПлюс».

3. ГОСТ Р 70405-2022. Национальный стандарт Российской Федерации. Продукция и услуги халяль. Общие термины и определения. М.: ФГБУ «Институт стандартизации», 2023.
4. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 15.06.2023 № 15АП-7438/2023, 15АП-7439/2023 по делу № А53-14262/2021 // Справочно-поисковая система «КонсультантПлюс».
5. Продукт «Ипотека Мурабаха», соответствующий нормам шариата. Официальная фетва. Дата: 31.01.2024 // Официальный сайт ПАО Сбербанк. URL: https://www.sberbank.ru/common/img/uploaded/files/pdf/islamic-banking/ipoteka_fetva.pdf (дата обращения: 29.06.2025).
6. Антонов Б. А. Правовая система ислама: конфликтный «союз» интерпретаций понятия «шариат» // Теория государства и права. 2022. № 4(29). С. 73–86.
7. Бизюков С. Н. Юридические уловки в исламском праве: путь от Средневековья до XXI века // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2014. № 3. С. 31–54.
8. Кулиев Д. Т. Шариат и фикх: понятие, источники и соотношение // Исламоведение. 2020. Т. 11, № 1(43). С. 13–25.
9. Муромцев Г. И. Мусульманское право в контексте правогенеза // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 1. С. 80–106.
10. Сюкияйнен Л. Р. Совместим ли шариат с современным российским правом? // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2014. № 3. С. 4–30.
11. Товсултанов С. А. Проблемы в понимании мусульманского права // Северо-Кавказский юридический вестник. 2016. № 4. С. 37–42.

References

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii : prinyata vsenarodny`m golosovaniem 12.12.1993 (s izm., odobr. v xode obshheros. golosovaniya 01.07.2020) // Ros. gaz. 1993. 26 dek.; 2020. 2020. 4 iyul.

2. Federal'nyj zakon ot 04.08.2023 № 417-FZ «O provedenii e'ksperimenta po ustanovleniyu special'nogo regulirovaniya v celyax sozdaniya neobxodimy'x uslovij dlya osushhestvleniya deyatel'nosti po partnerskomu finansirovaniyu v otdel'ny'x sub`ektax Rossijskoj Federacii i o vnesenii izmenenij v otdel'ny'e zakonodatel'ny'e akty` Rossijskoj Federacii» // Spravochno-poiskovaya sistema «Konsul'tantPlyus».
3. GOST R 70405-2022. Nacional'nyj standart Rossijskoj Federacii. Produkcija i usluga xalyal'. Obshhie terminy` i opredeleniya. M.: FGBU «Institut standartizacii», 2023.
4. Postanovlenie Pyatnadczatogo arbitrazhnogo apellyacionnogo suda ot 15.06.2023 № 15AP-7438/2023, 15AP-7439/2023 po delu № A53-14262/2021 // Spravochno-poiskovaya sistema «Konsul'tantPlyus».
5. Produkt «Ipoteka Murabaxa», sootvetstvuyushhij normam shariata. Oficial'naya fetva. Data: 31.01.2024 // Oficial'nyj sayt PAO Sberbank. URL: https://www.sberbank.ru/common/img/uploaded/files/pdf/islamic-banking/ipoteka_fetva.pdf (data obrashheniya: 29.06.2025).
6. Antonov B. A. Pravovaya sistema islama: konfliktnyj «soyuz» interpretacij ponyatiya «shariat» // Teoriya gosudarstva i prava. 2022. № 4(29). S. 73–86.
7. Bizyukov S. N. Yuridicheskie ulovki v islamskom prave: put' ot Crednevekov'ya do XXI veka // Pravo. Zhurnal Vy'sshej shkoly` e'konomiki. 2014. № 3. S. 31–54.
8. Kuliev D. T. Shariat i fikx: ponyatie, istochniki i sootnoshenie // Islamovedenie. 2020. T. 11, № 1(43). S. 13–25.
9. Muromcev G. I. Musul'manskoe pravo v kontekste pravogeneza // Pravo. Zhurnal Vy'sshej shkoly` e'konomiki. 2021. № 1. S. 80–106.
10. Syukiyajnen L. R. Sovmestim li shariat s sovremenny'm rossijskim pravom? // Pravo. Zhurnal Vy'sshej shkoly` e'konomiki. 2014. № 3. S. 4–30.
11. Tovsultanov S. A. Problemy` v ponimanii musul'manskogo prava // Severo-Kavkazskij yuridicheskij vestnik. 2016. № 4. S. 37–42.

Научная статья

УДК 340

РОЛЬ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ПРОБЕЛОВ В МЕХАНИЗМЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

**Стикл Бен, Ph.D., доцент управления уголовного правосудия, Университет
штата Средний Теннесси, Мерфрисборо, Теннесси, США,
bstickletn_42@gmail.com**

Аннотация

Целями статьи являются уточнение сущности и переосмысление правовой роли законодательных пробелов. Автором раскрывается сущность механизма правового регулирования как сферы, в пределах которой существуют законодательные пробелы; отмечается философско-правовой аспект пробелов, их объективно-субъективный характер и отсутствием в правовом массиве формального правила как конкретное проявление пробела. Подчеркивается преобладающий в российской правовой науке сугубо негативный контекст оценки законодательного пробела, в рамках которого данное явление характеризуется, в том числе, как ошибка законодателя или как законотворческая форма нарушения конституционных прав и свобод человека и гражданина, с чем автор статьи категорически не согласен. Делается акцент на возможности рассмотрения законодательного пробела в позитивном ключе, как квалифицированного молчания, то есть целенаправленного отказа от регулирования, что автор расценивает как предоставление максимально широкой свободы, несущей повышенные риски, но в некоторых случаях, более важной для развития определенных сфер жизни общества. Формулируя выводы, автор указывает на отсутствие оснований для утверждения о том, является ли законодательный пробел однозначно негативным или однозначно позитивным явлением, а также высказывает мнение неоднозначности эффекта пробела для разных субъектов правоотношений.

Ключевые слова: дефект правового регулирования, диспозитивное регулирование, законодательный пробел, механизм правового регулирования, правовая неопределенность, правовое регулирование, правовой пробел

Original article

THE ROLE OF LEGISLATIVE GAPS IN THE MECHANISM OF LEGAL REGULATION

**Ben Stickle, Ph.D., Associate Professor (Criminal Justice Administration),
Middle Tennessee State University, Murfreesboro, Tennessee, USA**

Abstract

The purpose of the article is to clarify the essence and rethink the legal role of legislative gaps. The author reveals the essence of the mechanism of legal regulation as a sphere within which there are legislative gaps; the philosophical and legal aspect of the gaps, their objective and subjective nature and the absence of a formal rule in the legal array as a specific manifestation of the gap are noted. The author emphasizes the prevailing negative context in Russian legal science for assessing the legislative gap, in which this phenomenon is characterized, among other things, as a mistake by a legislator or as a law-making form of violation of constitutional human and civil rights and freedoms, which the author strongly disagrees with. Emphasis is placed on the possibility of considering the legislative gap in a positive way, as qualified silence, that is, purposeful rejection of regulation, which the author regards as providing the widest possible freedom, carrying increased risks, but in some cases, more important for the development of certain areas of society. In formulating the conclusions, the author points out that there are no grounds for asserting whether the legislative gap is an unambiguously negative or unambiguously positive phenomenon, and also expresses the opinion that the gap effect is ambiguous for different subjects of legal relations.

Keywords: defect of legal regulation, dispositive regulation, legislative gap, mechanism of legal regulation, legal uncertainty, legal regulation, legal gap

Введение

Существующие в законодательном регулировании пробелы традиционно принято рассматривать в сугубо негативном ключе, как некие дефекты правовой системы и правового регулирования, к устранению которых следует неуклонно стремиться. Позитивный же аспект законодательных пробелов, как правило, не затрагивается в научном дискурсе, что не вполне справедливо, если учесть те возможности, которые возникают у субъектов правоотношений в связи с отсутствием нормативного регулирования определенных аспектов. Поэтому одной из целей настоящей статьи является восстановление этой справедливости и переосмысление правовой роли законодательных пробелов. Другой целью статьи выступает уточнение сущности пробела, чему не уделил внимание российский законодатель, несмотря на употребление этого термина во многих официальных документах.

Основная часть

Механизм правового регулирования как сфера, в пределах которой существуют законодательные пробелы, необходимо рассмотреть в первую очередь. В научной литературе встречаются разные определения этого понятия. Одно из них, пользующееся достаточной популярностью, дал советский юрист С. С. Алексеев, предложивший определять данный механизм как «взятую в единстве всю совокупность юридических средств, при помощи которых обеспечивается правовое воздействие на общественные отношения» [1, с. 30]. Такой взгляд на указанный механизм даёт возможность причислять к нему множество разнообразных элементов, прямо или косвенно причастных к юридической регламентации общественных отношений. Исходя из такого подхода и многие проблемы становится возможно рассматривать именно в юридическом контексте, как часть соответствующего механизма.

По мнению Ю. Э. Ибрагимовой, вкладываемый в понимание механизма правового регулирования смысл не вызывает серьёзных дискуссий в современной юридической науке [3, с. 18–19], с чем есть все основания

согласиться. И автор настоящей статьи исходит именно из этого видения механизма правового регулирования.

Отсюда следует вывод, что пробел законодательном (правовом) регулировании есть и неотъемлемый компонент механизма правового регулирования. Его естественный характер, как полагает автор, обусловливается фактической невозможностью в реальном мире урегулировать во всевозможных нюансах все многообразие существующих и потенциально возможных общественных отношений на данный момент. Поэтому проблема пробелов может рассматриваться и как одна из фундаментальных проблем, по крайней мере с позиций современной юридической науки и современного законодательства, независимо от того, право какого государства подразумевается.

Несмотря на естественность и фундаментальность категории «законодательный пробел», как в науке, так и в действующем российском законодательстве пока не сформировалось единообразного понимания данного феномена. Более того, и общепринятого подхода к употреблению соответствующей терминологии тоже нет, а потому параллельно с понятием «законодательный пробел» могут использоваться и такие понятия, как «правовой пробел», «пробел в правовом регулировании», «пробел в нормативном регулировании», «пробел в нормативно-правовом регулировании» и т.д. Но если абстрагироваться от нюансов понимания терминов «законодательство», «право», «нормативно-правовое регулирование» и т.п., то все перечисленные варианты формулировок понятия «пробел» можно рассматривать как характеризующие одну общую и довольно обширную проблему или сферу. То есть принципиальных различий, например, между законодательным и правовым пробелами, автор не усматривает, поскольку при упоминании пробела в качестве сферы его проявления подразумевается механизм правового регулирования.

Если сферу проявления законодательных пробелов рассматривать более предметно, становится очевидно существование пробелов именно в рамках позитивного права, в конкретных законодательных актах, на что указывает

Ю. Э. Ибрагимова, характеризующая пробел как отсутствие законодательной нормы, подлежащей применению, либо как наличие неопределенности в норме, результатом чего становится снижение качества закона [3, с. 10]. Такое видение пробела отражает его негативный аспект. И если руководствоваться этим взглядом, то невозможно усмотреть каких-либо положительных качеств, которые могут иметь место при наличии пробела. Такой подход, сопряжённый с сугубо негативной оценкой пробела, в целом присущ большинству российских исследователей.

Характеризующие правовой пробел как философско-правовую категорию А. В. Скоробогатов и А. В. Краснов, называют это объективно-субъективным явлением, существование которого обусловлено отсутствием в правовом массиве формального правила, регулирующего определенное общественное отношение, которое подлежит правовой регламентации [7, с. 79].

В этом определении раскрываются нюансы пробела более последовательно и стоит высоко оценить выделение объективно-субъективного характера данного явления, потому как с одной стороны он обуславливается субъективным взглядом и законодателя, который не считает необходимым регламентировать тот или иной аспект правоотношений, и правоприменителя, который усматривает недостаточность норм (субъективный аспект); а с другой стороны, пробел существует в рамках конкретного законодательства, которое в определённой степени материализовано, и отсутствие в нем определённой составляющей является очевидным, объективным, как правило, не вызывающим сомнения (объективный аспект).

Тут уместно привести примеры. До некоторого времени в российском законодательстве отсутствовали нормы, которые бы регламентировали оборот криптовалют. В отсутствии соответствующих норм нельзя было усомниться. В этом проявлялась объективность пробела. Субъективная же составляющая состояла в том, что законодатель, ориентируясь на собственные субъективные

взгляды, до некоторых пор игнорировал необходимость регулирования вопросов обращения криптовалют.

Глядя на приведённое выше определение, можно задаться вопросом: что же подлежит правовой регламентации? И на этот вопрос вряд ли можно ответить однозначно. Поэтому законодательный пробел трудно трактовать с определенной точностью. И в органах законодательной власти, и в юридической науке не может быть единого взгляда на то, что подлежит правовой регламентации, а что нет. В этом тоже проявляется некоторая субъективность категории «законодательный пробел».

М. А. Костенко, описывая проблематику пробела, расценивает его как правотворческую ошибку [4, с. 118]. Анализируя такой взгляд, можно с ним согласиться лишь отчасти. Безусловно, отдельных случаях пробел может быть определен именно как ошибка законотворцев, но не во всех.

Например, если орган законодательной власти принимает какой-либо закон, призванный урегулировать определённую сферу правоотношений, и в этом законе отсутствуют нормы, регулирующие всем очевидный сегмент реальных отношений (при отсутствии регулирования такого сегмента и в рамках других источников законодательства), то нет сомнений и в наличии ошибки. Так, отсутствие в уголовном законодательстве (независимо от того, законодательство какого государства подразумевается) отсутствует норма об ответственности за совершение убийства, то можно со всей уверенностью заявить о наличии пробела именно как ошибки законодателя. Конечно, в практике законодательного регулирования вряд ли можно представить такую ситуацию, однако указанный пример, пусть и гипотетический, наиболее наглядно отражает возможность рассмотрение пробела как ошибки, но лишь в отдельных ситуациях.

В то же время во многих случаях наличие законодательного пробела не может рассматриваться как ошибка законодателя. Например, в России, как и во многих других странах, до некоторых пор отсутствовали нормы, призванные урегулировать вопросы обращения криптовалют. Можно ли считать это

ошибкой? Вряд ли, поскольку определённая работа в направлении создания регулирующих норм велась, законодатель предпринимал меры, нацеленные на устранение такого правового пробела. Поэтому в указанном случае, несмотря на наличие пробела, вряд ли уместно было говорить о ошибке законодателя: сам пробел, как представляется, существовал в силу объективных обстоятельств (криптовалюты были совершенно новым явлением для не только российской, но и для мировой экономики, поэтому не могли быть урегулированы максимально оперативно, а разработка правовой основы их обращения занимала достаточно длительное время).

Я. К. Чепенко подходит к оценке правовых пробелов еще более радикально, называя их законотворческой формой нарушения конституционных прав и свобод человека и гражданина [8, с. 15]. Такую оценку трудно поддержать, по крайней мере с учётом изложенного выше. Скорее, нарушением можно признать отдельные случаи, имеющие место в правоприменительной практике, когда определённые нормы трактуются чрезмерно узко (ограничительно) или, напротив, широко, в результате чего искажается подлинный смысл, вкладывавшийся законодателем в конкретные нормы, в том числе регулирующие конституционные права, обязанности, ответственность граждан.

Не даёт оснований для однозначной оценки законодательных пробелов и существование такой правовой категории, как «квалифицированное молчание» [3, с. 17], когда законодатель намеренно избегает излишне детального регулирования тех или иных общественных отношений.

В определённых случаях квалифицированное молчание может быть чрезвычайно ценно для развития общественных отношений и целых сфер права, экономики и пр. Так, на первых этапах развития сети «Интернет» практически полностью отсутствовала регламентация возникающих в связи с его развитием общественных отношений, которая условиях отсутствия регулирования весьма динамично развивались. Подобная ситуация имела место и на первых этапах развития интернет-банкинга. Все это получило должную правовую

регламентацию лишь в последние годы, когда указанные сферы достигли некоторого весьма высокого уровня развития.

Нельзя предположить, каким был бы уровень развития так называемых социальных сетей и интернет банкинга, если бы уже в первые годы их появления имело место предельно детальное регулирование деятельности разработчиков и пользователей, ведь любое регулирование предполагает не только определение прав, обязанностей, но и ответственности, а это крайне осложняет деятельность в тех сферах, которые ещё не достигли определённого высокого уровня развития.

Таким образом, законодательный пробел может быть рассмотрен и в позитивном ключе, как квалифицированное молчание, то есть целенаправленный отказ от регулирования (игнорирование законодательного пробела). Таким способом государство, имеющее возможность урегулировать те или иные отношения, тем не менее, воздерживаться от этого, предоставляя максимально широкую свободу, реализуя метод диспозитивности. Безусловно, предельно широкая свобода несёт и повышенные риски, но в некоторых случаях реализация потенциальных возможностей правового вакуума более важна, нежели минимизация рисков.

Учитывая наличие позитивной и негативной составляющих законодательных пробелов, особое внимание важно обратить на признаки, к которым относятся:

- нахождение в рамках сферы правового регулирования;
- наличие объективной необходимости правового опосредования;
- отсутствие регулирующей нормы или неполнота существующей нормы [5, с. 22].

Здесь, однако, спорным остаётся вопрос о том, когда же может усматриваться необходимость, ведь если один субъект, например, государство, необходимость в регулировании может усматривать, другие же, например, конкретные граждане, или организации, или целые сообщества субъектов, могут придерживаться иного мнения

К примеру, неурегулированность оборота криптовалют для государства несёт определённые риски и сопряжена с упущением возможности, по крайней мере, в части налогообложения. Для граждан и организаций отсутствие регулирования оборота определённого финансово значимого актива отражает наличие определённых возможностей. Но не исключена и обратная ситуация. Например, пробел в налоговом законодательстве даёт возможность налоговым органам трактовать определённые нормы ограничительно или, напротив, расширительно её в свою пользу. Подобный пробел для налогоплательщиков чреват негативным эффектом.

Тем, тем не менее законодательный пробел в литературе принято характеризовать именно как недостаточность правового регулирования [2, с. 45], без указания конкретных нюансов, для кого это регулирование недостаточно.

Многообразие пробелов [4, с. 121], в том числе обусловленное различиями в причинах их возникновения [6, с. 40], тоже препятствует возможности однозначно оценивать их роль.

Примечательно, что в отечественном правоведении основное внимание акцентируется не на оценке роли законодательных пробелов, а на их выявлении и поиске путей восполнения (устранения) [6, с. 40], что обусловливается негативной оценкой правовой неопределенности как одного из последствий пробелов, коллизионности, и в конечном итоге, дефектности права [8, с. 13–14].

Признавая такой, признавая такие взгляды в целом обоснованные, стоит, однако, отметить немаловажную роль правовых принципов, которые, как правило, существует во всех отраслях законодательства. Наличие принципов, по мнению отдельных исследователей [7, с. 83], означает наличие прямого правового регулирования. Поэтому недостаточно активное использование принципов в правоприменительной практике не означает, что в определённом сфере отношений присутствует пробел.

Заключение

В своей сущности законодательный пробел есть отсутствие правовых норм или недостаточная детальность существующих норм, что создаёт условия для их неединообразной трактовки и (или) неединообразного применения.

Роль законодательных пробелов в российской юридической науке оценивается преимущественно в негативном ключе, в связи с чем исследователи, уделяющие внимание их анализу, стремятся предложить те или иные решения, призванные пробелы устранить. В то же время позитивный аспект пробелов, как правило, не затрагивается, несмотря на его очевидность.

Учитывая проведенный анализ, нет оснований для утверждения о том, является ли законодательный пробел, как правовое явление, однозначно негативным или однозначно позитивным. Более того, для разных субъектов эффект пробела может быть совершенно различным: один и тот же пробел может быть выгоден одной категории субъектов и невыгоден – другой.

Список литературы

1. Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М.: Юрид. лит., 1966. 187 с.
2. Горбачева С. В. Теоретические аспекты понятия законодательных пробелов // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 4 (60). С. 39–46.
3. Ибрагимова Ю. Э. Организационно-правовой механизм установления и устранения пробелов в законодательстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. 26 с.
4. Костенко М. А. Пробел в праве как разновидность правотворческой ошибки // Известия ЮФУ. Технические науки. 2008. № 10(87). С. 117–123.
5. Кузнецова Е. В. Выявление законодательных пробелов Конституционным Судом РФ // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2012. № 5. С. 22–27.

6. Любушкин В. А., Челмакина А. А. Проблема пробелов в законодательстве и пути ее устранения // Контентус. 2022. № 4. С. 34–42.
7. Скоробогатов А.В. Краснов А.В. Правовой пробел: феноменологические аспекты // Пробелы в позитивном праве: доктрина и практика: мат-лы VI Междунар. науч. конф. Теоретиков права «Пробелы в позитивном праве: доктрина и практика» (Москва, 20–21 февраля 2020 г.) / Отв. ред. Н.Н. Черногор. М.: ИЗИСП при Правительстве РФ; ИД «Юриспруденция», 2021. С. 77–93.
8. Чепенко Я. К. Правовые пробелы в механизме конституционного обеспечения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации (в свете практики Конституционного суда РФ): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2017. 26 с.

References

1. Alekseev S. S. Mexanizm pravovogo regulirovaniya v socialisticheskom gosudarstve. M.: Yurid. lit., 1966. 187 s.
2. Gorbacheva S. V. Teoreticheskie aspekty` ponyatiya zakonodatel`ny`x probelov // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. 2022. № 4 (60). S. 39–46.
3. Ibragimova Yu. E`. Organizacionno-pravovoj mexanizm ustanovleniya i ustraneniya probelov v zakonodatel`stve: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2021. 26 s.
4. Kostenko M. A. Probel v prave kak raznovidnost` pravotvorcheskoj oshibki // Izvestiya YuFU. Texnicheskie nauki. 2008. № 10(87). S. 117–123.
5. Kuzneczova E. V. Vy`yavlenie zakonodatel`ny`x probelov Konstitucionny`m Sudom RF // E`lektronnoe prilozhenie k Rossijskomu yuridicheskomu zhurnalu. 2012. № 5. S. 22–27.
6. Lyubushkin V. A., Chelmakina A. A. Problema probelov v zakonodatel`stve i puti ee ustraneniya // Kontentus. 2022. № 4. S. 34–42.

7. Skorobogatov A.V. Krasnov A.V. Pravovoj probel: fenomenologicheskie aspekty` // Probely` v pozitivnom prave: doktrina i praktika: mat-ly` VI Mezhdunar. nauch. konf. Teoretikov prava «Probely` v pozitivnom prave: doktrina i praktika» (Moskva, 20–21 fevralya 2020 g.) / Otv. red. N.N. Chernogor. M.: IZiSP pri Pravitel`stve RF; ID «Yurisprudenciya», 2021. S. 77–93.
8. Chepenko Ya. K. Pravovy`e probely` v mexanizme konstitucionnogo obespecheniya prav i svobod cheloveka i grazhdanina v Rossijskoj Federacii (v svete praktiki Konstitucionnogo suda RF): avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. SPb., 2017. 26 s.

CONTENTS

CORRELATION OF THE CONCEPTS OF "OFFENSE" AND "CRIME" IN RUSSIAN LEGAL SCIENCE	8
SOCIAL FUNCTION OF THE STATE: CONCEPT, CONTENT, IMPLEMENTATION PROBLEMS	22
THE PLACE OF RELIGIOUS NORMS IN THE SYSTEM OF SOCIAL REGULATORS OF A MODERN SECULAR STATE: LEGAL-THEORETICAL ASPECT	33
QUESTIONS OF THEORETICAL AND LEGAL JUSTIFICATION OF THE APPLICATION OF SHARIA IN THE REALITIES OF THE LEGAL SYSTEM OF A SECULAR STATE	43
THE ROLE OF LEGISLATIVE GAPS IN THE LEGAL REGULATION MECHANISM.....	56

表格的内容

相关的概念的"罪行"和"犯罪"在俄罗斯的法律的科学	8
社会功能的状态：概念、内容、实施的问题.....	22
地方的宗教规范系统的社会监管机构的现代世俗国家的法律理论方面.....	33
问题的理论和法律理由应用伊斯兰教法在现实的法律系统的一个世俗国家..	43
的作用的立法差距在法律监管机构的	56